

СВЕТЛАНА
НАРВАТОВА

ЗАТЕРЯННЫЕ
В ЭЛЬДОРАДО

Светлана Нарватова

Затерянные в Эльдорадо

«Светлана Нарватова»

2022

Нарватова С.

Затерянные в Эльдорадо / С. Нарватова — «Светлана Нарватова»,
2022

Началось всё, как в анекдоте: как-то раз собрались вместе американский бизнесмен, колумбийский футболист, британский красавчик-ученый и я, блондинка-дизайнер из Франции... Но, увы, несмешно: мы потерпели авиакатастрофу над колумбийской сельвой. Пилот отравлен, и, возможно, убийца еще среди нас. Будто мало опасностей диких джунглей, наркомафии и секретов древних муисков, которые жили здесь до прихода испанцев. И чтобы мне уж совсем скучно не было, похоже, все участники нашего похода на выживание не совсем те, кем кажутся.

© Нарватова С., 2022

© Светлана Нарватова, 2022

Содержание

Глава 1. Келли	5
Глава 2. Брайан	7
Глава 3. Келли	9
Глава 4. Брайан	12
Глава 5. Брайан	15
Глава 6. Келли	18
Глава 7. Брайан	20
Глава 8. Келли	23
Глава 9. Брайан	26
Глава 10. Келли	29
Глава 11. Брайан	31
Глава 12. Келли	33
Глава 13. Брайан	36
Глава 14. Келли	38
Глава 15. Брайан	40
Глава 16. Келли	46
Глава 17. Брайан	49
Глава 18. Брайан	51
Глава 19. Келли	54
Глава 20. Брайан	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Светлана Нарватова

Затерянные в Эльдорадо

Глава 1. Келли

Оле, Колумбия, беспечная страна вечного завтра! Сколько мы с тобой не виделись? Лет пять уже прошло, наверное, с тех пор как я в последний раз ступала по твоей земле. И вот мы снова вместе. Жаль, что в этот раз мы с тобой встречаемся при столь печальных обстоятельствах. Профессор археологии Натан Рой позавчера оставил этот мир. Впрочем, ты уже знаешь.

Папа ушел внезапно. Через неделю ему должно было исполниться семьдесят пять. Разве это возраст для мужчины? Еще жить да жить. Может, он чем-то болел, но мне не говорил. Да мы почти и не общались с тех самых пор, когда я вернулась из Парижа с дипломом Международного института моды. Думала, за время учебы па уже спустил пар и смирился с моим выбором. Но, нет, увы. Как выяснилось, он надеялся, что «гены окажутся сильнее бабьей дури». Что я одумаюсь и вернусь на путь истинный, и он сможет передать мне дело всей своей жизни.

Но тут «увы» оказалось ему. Я была целиком и полностью счастлива в новом мире красок, комфорта, красивых мужчин и умопомрачительных нарядов. Мира, в котором я перестала быть долговязой девочкой с грязноватой от загара кожей, ссадинами на коленях и брекетами на зубах. Я превратилась в хрупкую гламурную блондинку, которая ставит мужчин на колени. Мира из моих детских грёз.

Не дуйся, Колумбия. Я хотела помириться с па. Даже купила билеты, чтобы прилететь к нему на юбилей. Кто же знал, что я так безнадежно опоздаю? Билеты пришлось сдать и покупать новые – чтобы успеть на его похороны. Лететь обходными путями, через Штаты. На прямые был только бизнес-класс, а я не так много получаю. Впрочем, тебе ли ни знать, что честным трудом много не заработаешь.

Международный аэропорт Медельина¹ встретил меня неприветливо. Пара солдафонов устроила унижительный досмотр на таможне. По их придирчивости можно было заподозрить, что трафик кокаина резко поменял направление, и наркотики теперь везут из США в Колумбию, а не наоборот. В итоге я опять опоздала – теперь на рейс до Тунхи, откуда до папиной Вильи-де-Лейва рукой подать. На мое счастье, следом шел частный рейс.

Аэропорт Медельина по форме был похож на половинку пончика, начиненного людьми. Сквозь его стеклянную ребристую крышу сияло по-колумбийски беззаботное солнце. В окно был виден легкомоторный самолетик, на котором нам предстояло лететь. Нас, пассажиров, было четверо. Я и трое мужчин.

Один был местным, примерно моим ровесником. Взгляд его липко скользил по выступающим частям моего тела, так что не отпирайся, Колумбия, он тоже из твоих. В его сторону я старалась не смотреть. Здесь если мужчине смотришь в глаза, считай, подписалась на все тяжкие. Потом не отобьешься. Боковым зрением я выхватила выбритый затылок, темную кожу классической для местного населения смеси три в одном: испанцы, индейцы, афроамериканцы. Парень был, пожалуй, симпатичным. Белозубая улыбка делала его обаятельным, но мне сейчас не до романов условной безопасности. И вообще не до романов. Колумбиец был неплохо сложен. И очень энергичен. Он сновал туда-сюда, как мышь в новой клетке, время от времени обращаясь к другим пассажирам.

¹ Медельинский наркокартель, лидером которого был Пабло Эскобар, был крупнейшим и самым влиятельным наркокартелем в истории.

Второй, несмотря на тропическое круглогодичное лето, был одет в деловой костюм и галстук. Как коммивояжер. Только взгляд был такой... пробирающий. Но добрый. Пробирающий до печенок добрый взгляд. На такого трудно не обратить внимание. Лет «коммивояжеру» было под сорок, но выглядел он прекрасно. У него было худощавое лицо с породистым, под линейку нарисованным, правильным носом; большие глаза и красиво очерченные, но тонковатые губы. Рот обрамляли складки, которые множились вертикальными ямочками, когда он улыбался. Высокий открытый лоб и шапка жестких, курчавых волос выдавали независимость хозяина. Он тоже поглядывал в мою сторону, но так, изредка, стараясь не навязываться.

Третий был прямо красавчик оймама. На пару-тройку лет старше меня и бесконечно круче. Одежда в сафари-стиле была пошита на заказ и выгодно подчеркивала широкие спортивные плечи и узкие бедра. Мышцы груди, обтянутые тонкой маечкой под расстегнутой рубашкой, тоже были зачетные. Он вежливо поздоровался местным аналогом приветствия – «Оле!» – и больше никого не замечал. На меня он бросил один-единственный взгляд в пару секунд и забыл о моем существовании. Не больно-то и надо. Что я, красавчиков не видела? И тоже решила всех игнорировать: и его, и коммивояжера, и колумбийца. И до посадки в самолет мне это даже удалось.

Если бы я тогда знала, что с этой компанией мне предстоит провести несколько дней в зеленом аду сельвы, я бы пригляделась к ним получше.

Впрочем, признаемся честно: знай, чем дело кончится, я бы вообще с ними не полетела.

Глава 2. Брайан

Скучно! Невыносимо скучно! Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем². Сейчас стареющий бонвиван из Штатов начнет клеить блондинку из Франции, и будет у них дружба народов, связь континентов и полная межкультурная толерантность. Особенно, если захватят в тройничок колумбасика. Психотерапевт говорила, что я должен искать в жизни что-то хорошее. И я ищу. Ведь дружба народов – это хорошо?

Господи, дай мне выдержать этот день, а завтра срок моей ссылки подойдет к концу. Я смогу вернуться домой.

Так. Я должен чем-то интересоваться. Так говорила психотерапевт.

Ну, вот эта девчонка, блондинка. Очень даже интересная. Симпатичная физиономия. И фигурка ничего. Может, предложить ей полететь со мной до Венесуэлы? Судя по дешевой одежде, уродливой подвеске под золото на шее и дебиловато-мечтательному выражению лица, она не будет возражать.

Решено. Блондинку беру.

В Венесуэле я, пожалуй, задержусь на недельку. Поохочусь. Там я еще не охотился. Может, папочке привезу новых бабочек. Он будет счастлив. Психотерапевт говорила, что мне тоже нужно обзавестись увлечением. Папочка же нашел хобби – собирать трупы насекомых. Чем я хуже? Я тоже мог бы коллекционировать какие-нибудь редкости. Блондинок, к примеру. Живых. В Колумбии не так много блондинок. Здесь вам не дома.

Вот дома...

Так. Психотерапевт сказала, что нужно жить сегодняшним днем. Брать пример с аборигенов, счастливых, несмотря на бесконечную гражданскую войну. Правда, мой опыт общения с колумбийцами говорил, что они живут не столько сегодняшним днем, сколько завтрашним. *«Маньяна, транкила»*³ *«Не переживай»* – утверждали колумбийцы. – *«Завтра со всем разберемся»*. Завтра закончится срок изгнания, и я буду свободен. Вот, я уже почти как местный.

Самолетик у нас был маленький, и до него пришлось топать пешком. Пилот в нейтральной лётной форме радушно встретил нас у трапа и у каждого пассажира персонально поинтересовался, как дела. Чертова местная привычка разводить церемонии. Здесь даже у незнакомых людей на улице, прежде чем спросить дорогу, нужно поинтересоваться, всё ли у них благополучно. Хорошо ли поживают мама, папа, дети, внуки, сестры, братья и любимая «чиха» бабушки. А если нет, то почему? Хвост ломит? В бандитские разборки попала? Такие вот социальные кадрили.

Психотерапевт сказала, что мне следует бороться с симптомами мизантропии и социофобии, вросшие в мой скелет и пустившие там корни. Попробуй их выкорчуй. Однако на ритуальные вопросы я ответил, вещи в багажное отделение загрузил, спутников безупречной вежливостью и правильным английским – тоже. Полдела сделано.

Рассадив пассажиров и проследив, что все пристегнуты, пилот начал продувку, тестирование и прочие предполетные процедуры. А в салоне, как я и ожидал, начался съём на ломаном французском языке и кривой штатовской козе. На удивление, девушка на интерес америкоса не отреагировала. Правильно, ведь есть же я. Я однозначно лучше. По всем параметрам. Бедолага_якобы_бизнесмен уже и так перед ней стелился, и по-всякому, и мячик к ногам приносил, как верный пес, который уговаривает хозяина поиграть. Но блондинка держалась молодцом, хлопала ресницами, улыбалась, говорила «мерси» и «силь ву пле» и несла прочую пургу. Так держать. Вот приземлимся, и я сделаю тебе предложение, от которого невозможно отказаться.

² Цитата из Книги Екклесиаста.

³ Дословно: «Завтра. Не волнуйся.» Традиционное выражение в Колумбии.

Келли под предлогом, что плохо переносит взлет, попросила оставить ее в покое, и всё было хорошо.

А потом началось такое...

Глава 3. Келли

Во время посадки в самолет подтвердились мои худшие подозрения. От красавчика-сафари за версту несло британской паблик-скул⁴, а от «королевского» английского⁵ ломило зубы. Но мне с ним детей не крестить, пару часов можно и потерпеть. Тем более что сидел он тихо, до меня не снисходил. Расположился британец в том же ряду, что и я, но по другому борту, и изредка кидал в мою сторону быстрые оценивающие взгляды. Понять, во сколько меня оценили, по бесстрастному аристократическому лицу было невозможно. Но вряд ли высоко. Хорошо воспитанный аристократ может поддерживать беседу даже с пустым стулом⁶. Хоть целый час. А этот молчал, как рыба дорадо с мокрицей вместо языка⁷. Видимо, мы, его случайные попутчики, находились в иерархии ценностей ниже уровня табуретки. Хотя, возможно, этот представитель британской элиты был просто дурно воспитан.

Зато американец Эндрю, сидевший передо мной, просто не затыкал рот. В начале он попытался обращаться ко мне на английском, но я сделала вид, что не понимаю, и тогда он переключился на французский. На самом деле, оба языка были для меня родными. Моя мама была француженкой. Что легкомысленная красотка забыла на факультете истории в Кембридже? Наверное, искала приключения. И нашла. Папе было за сорок, и он уже был признанным специалистом по южноамериканским культурам. Она была среди студентов-волонтеров на раскопках в Перу. Он привез оттуда новую монографию, она – меня. В папиной жизни существовала лишь одна любовь – наука, поэтому неудивительно, что отношения между родителями не заладились. До пяти лет я жила с мамой во Франции, и, если честно, почти ничего не помню из того периода. А потом мама нашла перспективного жениха и отвезла меня папе. Я оказалась неудачным пилотным проектом и мешала реализации ее усовершенствованных планов. Нужно отдать должное папе, он принял меня в свою кочевую жизнь, а не сдал в один из этих приютов для элитных щенков с полным пансионом.

Наверное, первое время ему было тяжело: блестящий ученый и маленький ребенок, едва владеющий английским. Сам он никогда в этом не признавался. Напротив, говорил, что я приносила удачу. Местные жители, узнав печальную историю сиротки, проникались участием ко мне и отцу-одиночке. В итоге у папы не было проблем ни с провизией, ни с рабочими руками. Очень быстро выяснилось, что у меня способности к языкам, и я стала посредником в общении с изолированными племенами. Они не доверяли взрослым европейцам, но легко шли на контакт с белокурой «солнечной девочкой», как меня называли.

А потом я стала видеть сны.

Точнее, наверное, я видела их всегда. Папа говорил, что их причиной были мое живое воображение, природная наблюдательность и мощное подсознание. Вместе они выдавали яркие картинки как будто из прошлого. Сначала папа посмеивался над моими рассказами. А потом, когда я научилась передавать их на бумаге, выяснил, что не зря говорят, что Менделеев придумал свою таблицу, пока спал. В моих снах обнаруживались недостающие детали жизни

⁴ Паблик-скул – в Великобритании частные элитные школы, часто в формате интернатов. Наиболее престижны раздельные школы для мальчиков и девочек. Статистические исследования показывают, что мальчики в раздельных школах показывают более высокий уровень знаний.

⁵ «Королевский» английский – классический диалект английского, на котором говорит королева.

⁶ Коммуникативные навыки занимают очень важное место в воспитании современной европейской аристократии. В некоторых королевских семьях используют такое упражнение: перед ребенком на стулья выкладывают листы, на которых указан возраст, профессия и т. п. человека, и отпрыск должен придумать и поддержать тему для разговора.

⁷ «Языковая мокрица» – нередкий паразит тропических рыб из класса ракообразных. Проникая через жабры в рот, он присасывается к языку и реализует на практике проклятие «Чтоб у тебя язык отсох». Мокрица высасывает кровь из органа, и он постепенно отваливается. Паразит прикрепляется ножками к «пеньку» языка и начинает выполнять его роль.

и быта древних аборигенов. Па стал относиться к ним с вниманием и каждое утро начинал с обсуждения новых рисунков.

Так я это к чему?

Я это к тому, что английский и французский были для меня родными, испанский – почти родным, потому что половина моего детства прошла на раскопках в Южной Америке, плюс на базовом уровне я знала еще с десятков индейских языков и диалектов, если еще не забыла. Поэтому неуклюжие попытки «гринго» разговаривать на языке моей первой родины смешили и умиляли. Но я старалась держать себя в руках. В конце концов, лучше Эндрю с его забавными попытками говорить комплименты на малознакомом языке, чем откровенное внимание колумбийца.

Потом самолет вырулил на взлетную полосу, и я сослалась на недомогание во время взлетов. Эндрю отстал, напоследок галантно коснувшись губами моих пальцев. Я прикрыла глаза, вернувшись к воспоминаниям детства. В обычной моей жизни: в Париже, где я сейчас работала, на модных показах, в общении с заказчиками, бурных, но коротких романах, миру прошлого места не нашлось. Словно эта часть жизни была вымарана. Но стоило пересечь границу Колумбии, воспоминания хлынули в сознание, вытесняя всё остальное. Будто существовало две Келли. Одна – мамина дочка, которая жила беспечной жизнью востребованного дизайнера аксессуаров. Другая – дочка папина, которая очнулась ото сна только теперь, и сейчас тестировала системы, как компьютер после аварийного выключения.

Мне нравились экспедиции. Новые места. Новые люди. Новые обычаи. Новые друзья. Новые герои снов. Новые рисунки. Конечно, теперь, когда фотоаппарат и видеокамера стали неотъемлемой частью цивилизованного общества, потребность в художниках у археологов отпала. Но папа старался брать с собой кого-нибудь из одаренных студентов факультета архитектуры и искусствования, которые ставили мне руку. Я обожала рисовать. Рисунки освобождали разум от навязчивых образов. «Слив» их на бумагу, я переставала думать о том, что приснилось ночью. А учитывая, что нравы у древних индейцев были те еще, это была заметная помощь рассудку. Хотя в периоды, когда мы возвращались в Кембридж, папа неизменно отправлял меня к психоаналитикам, подозревая в психических отклонениях. Будучи подростком, я научилась прятать неугодные рисунки. А потом папа смирился с тем, что я порой вижу во сне жестокие сцены.

Меня выдернуло из забытья надсадное кхекание, теряющееся за ревом двигателей. Я открыла глаза. Кашлял пилот. Как можно простыть в тропиках? Это талант. Я снова закрыла глаза, надеясь продолжить инвентаризацию воспоминаний, но кашель пилота только усиливался.

Колумбиец дремал. Эндрю что-то слушал в наушниках. Я встретила взглядом с британцем. Его ничего не беспокоило, судя по выражению лица. Хотя как раз по выражению лица о состоянии представителя английской элиты судить не стоит. Поняв, что помощи от него не дождешься, я встала и, придерживаясь за спинки кресел, двинулась к кабине пилота, отделенной от пассажирского салона полуаркой.

– Сеньор, вам плохо? – негромко спросила я на испанском. – Я могу чем-то помочь?

Пилот повернул ко мне голову. Его лицо покраснелось. Он прикрыл рот рукой и промычал. Его тошнит, осознала я, и выдернула пакет из кармана на спинке ближайшего сидения. Мужчина даже не поблагодарил: его вывернуло. В кабине завоняло рвотными массами.

– Может, вам таблетку? Воду? – негромко спросила я, но пилот показал рукой на бутылку с водой в подставке на приборной доске и потянулся вверх, к какому-то рычагу.

Я сунула ему еще один пакет, из другого сидения, и вернулась на место. В конце концов, отравился мужик, съел несвежее буррито перед рейсом. Пока его не прижало с диареей, больших проблем нет. Пилот тем временем потянулся к аптечке, вынул оттуда блистеры с таблетками, выдавил парочку и запил водой из бутылки. А через пару минут развернул новый пакет

и выплеснул туда очередную порцию содержимого желудка. И зашелся рваным, захлебывающимся кашлем, словно в приступе астмы.

– Среди присутствующих есть врач? – громко спросил британец и поднялся с места.

Я помотала головой и рванула к пилоту с пакетом, что был в кармане передо мной. Он сделал несколько жадных глотков из бутылки, пытаясь подавить кашель. Лицо мужчины покраснело еще сильнее, глаза словно выкатились из орбит. Новый приступ кашля сотряс грудную клетку. Я протянула пакет. Пилот взял его трясущейся рукой. И выронил, содрогнувшись в судороге. Его зрачки закатились.

Я прикрыла рот руками и заорала.

Глава 4. Брайан

Я достал из кармана смартфон. На месте делений сети стоял крест. На экстренный вызов реакции тоже не было. Блондинка орала сиреной. Операция вышла из-под контроля. И бог с ней, с операцией. Из-под контроля вышла моя жизнь, и это куда серьезней. Психотерапевт говорила, что я нуждаюсь во встряске. Но, мне кажется, она имела в виду что-то менее кардинальное, чем авиакатастрофа. Я протиснулся к эпицентру проблемы и дернул девчонку за плечи.

– Келли, Келли, Келли, – быстро говорил я. – Келли, смотри на меня. Успокойся. Всё хорошо. Ты меня понимаешь?

Она кивнула головой. В этот момент самолет попал в воздушную яму. Меня швырнуло на блондинку. Она оттолкнула меня и заорала с новой силой. Черная волна раздражения вылилась в хлесткую пощечину. Женщин бить нельзя. Но иногда надо. Девчонка заткнулась. Я снова опустил руку ей на плечо.

– Через нос вдо-о-ох. Считай про себя: раз-два-три-четыре. Теперь медленно, через рот, вы-ы-ыдох... – три-четыре. Вдо-о-ох. Вы-ы-ыдох. Смотри на меня.

Она выдыхала, приоткрыв расслабленные губы и глядя на меня распахнутыми глазами со зрачками во всю радужку. В голове поплыло, и член дернулся от притока крови. Вот очень, очень вовремя!

– Молодец. Теперь иди на место, – я ткнул пальцем в сторону ее сидения.

– Но... – девчонка показала на пилота, которого сотрясла очередная волна конвульсий. Ее глаза наполнились влагой.

– Ты врач? – еще раз уточнил я.

Она помотала головой, вытирая слезы.

– Умеешь управлять самолетом?

Она снова замотала головой, только более испуганно.

– Значит, ты здесь бесполезна. Иди на место и пристегнись.

Она пошла, прикусив ладонь, всхлипывая и пошатываясь. Американец приподнялся, чтобы помочь, но француженка отмахнулась.

– У кого-нибудь телефон ловит сеть? – спросил я, когда блондинка уселась в кресло.

Американец, в противоположность пилоту, был белым в тон рубашки. Колумбиец выглядел растерянным.

– Он нет отравился едой? – пролепетал парень, мешая английские слова с испанской грамматикой. – Может посадить он самолет?...

– Он не может посадить самолет. Это – не пищевое отравление. Еще раз спрашиваю: у кого-нибудь на телефоне есть связь? Кто-нибудь имеет представление, как управлять самолетом?

– Это заразно? – американец ткнул пальцем в кресло пилота.

Спокойствие. «Во время всеобщей паники старайтесь сохранять спокойствие». Какой идиот писал эту инструкцию?! Вдо-о-о-ох. Вы-ы-ы-дох. Я отвернулся от салона, чтобы взять себя в руки. Под самолетом простиралось бесконечное зеленое море сельвы. Мозг на автомате отметил, что лети мы над льяносом и на большом авиалайнере с его высотой полета, уже можно было бы молиться за упокой. А так еще можно просто молиться.

– Я тоже не врач, – вернул я взгляд к собеседнику, – но полагаю, что нет. Пожалуйста, достаньте свои телефоны и проверьте связь.

– Здесь должна быть рация, – подал здравую мысль американец, но самолет снова тряхнуло, в этот раз сильнее, и здравые мысли улетучились под давлением леденящего страха.

Вдо-о-о-ох. Вы-ы-ы-дох.

Пилот перестал вздрагивать. Его голова и руки безвольно повисли. Дыхание стало поверхностным. Мелькнула мысль: может, пронесет. Может, приступ прошел, и он просто уснул? Я прижал пальцами сонную артерию. Пульс нащупывался еле-еле. Да и краснота с лица никуда не делась.

Рация.

Черная тангента⁸ крепилась в зажиме у приборной доски. Провод был накручен на рычажок, пришлось наклоняться. Я нажал на кнопку микрофона и произнес: «Внимание, внимание, говорит рейс 345АРХ. На борту чрезвычайная ситуация. Ответьте! Прием!» И нажал на вторую кнопку. Тишина. Даже помех не слышно. Самолет снова тряхнуло. Я приложился головой о лобовое стекло. Выругавшись, стал разматывать провод и потянул тангенту на себя. Вместе с проводом. В смысле, провод свободно повис в воздухе. Ровно перерезанный провод с куском скотча на конце.

– А-а-а! – заорал колумбиец, внезапно вскочив и бросившись к приборам. – Ихо де ла чингáда! Идиóто де лос кохóнес! Марикóн де мьёрда!⁹

И пока я, зависнув, пытался осмыслить испанский непечатный фольклор, он начал истерично щелкать рычажками.

Как ни странно, первой отреагировала блондинка. Она в два прыжка подлетела к обезумевшему латиносу и рванула его за футболку на себя. Тот развернулся и занес кулак для удара. Тут и я пришел в себя, и успел врезать ему раньше.

Парня снесло на переднее сидение, девушка рухнула в проход. Я наклонился, чтобы помочь ей подняться. И вдруг что-то изменилось. До меня не сразу дошло, в чем дело. В наступившей тишине слышались одинокие щелчки затухающего винта. Этот «идиóто де лос кохóнес» вырубил турбины! Я упал на девчонку, прижимая ее к полу. Шансов пристегнуться уже не было.

– Помилуй меня, Боже, по великой милости Твоей; и по множеству состраданий Твоих изгладь беззаконие мое¹⁰, – зашептал я.

Вбитые в подкорку за школьные годы слова псалма лились сами собой.

Самолет завалился вперед, и нас потащило к носу. Пришлось напрячь мышцы.

– Омой меня хорошенько от беззакония моего и очисти меня от греха моего, – подхватила на чистейшем английском блондинка, и я от неожиданности чуть не разжал пальцы.

– ...Только против тебя согрешил я и сделал это зло пред Тобою, – со штатовским акцентом подключился американец.

От гула падающего самолета закладывало в ушах, и молитва звучала уже в три полных голоса. С истерическими интонациями, не без того. Но слаженно.

– ...Жертва Богу – это сокрушенный дух; сердце, которое сокрушено и смирено, Бог не будет презирать...

Ой, как мы сейчас сокрушимся!..

Самолет столкнулся с пологом сельвы. Меня всё-таки оторвало от пола. Я попытался смягчить удар от падения на девушку, выставив вперед руки, но она всё же вскрикнула. Да и я тоже. Меня утащило ногами вперед, девчонку следом.

Страшный скрежет на какой-то момент перекрыл звук голосов в салоне. Только бы не взорвался бензобак... Господи, только бы не взорвался! Нас еще раз дернуло, раздался оглушающий грохот, лязг, и самолет завалился на бок. Похоже, одно крыло отвалилось. Мы пока-

⁸ Тангента – устройство в рации, которое совмещает в себе динамик и микрофон. Соединяется проводом с передатчиком. Обычно именно ее мы и называем «рацией».

⁹ Испанские нецензурные ругательства, обращенные к мужчине.

¹⁰ Здесь и далее – Псалом 50. Итон, который, как мы впоследствии узнаем, закончил Брайан, известен своим религиозным воспитанием.

тились по сидениям, и я стукнулся спиной о борт. Сверху упала блондинка. Я крикнул. На мгновение в самолете стало так тихо, что стало слышно, как в ушах бьется пульс.

Одиноким голос американца прервал безмолвие:

– ...Тогда они принесут Тельцов на твой жертвенник.

И затих.

Я из последних сил протиснулся между сиденьями, притягивая к себе девчонку, и уперся коленями и локтями.

И тут самолет рухнул окончательно. Удар о землю оглушил, и на какой-то момент я, наверное, потерял сознание.

Очнулся от запаха. Стекла иллюминаторов не выдержали столкновения с миром диких джунглей. Салон заполнял влажный аромат прелой листвы, смешанный с острым благоуханием цветов. Всё тело ныло, но, кажется, обошлось без переломов. Лежа сверху, скособочившись между мной и сидениями, тихо всхлипывала блондинка. Я притянул ее к себе. Мягкие полушария упирались в мою грудь. Я закопался пальцами в ее волосы и впился губами в ее рот. Боже, как прекрасна жизнь! Поцелуй был таким сладостным, что я застонал от накрывшего меня счастья.

И в следующий момент орал от совсем других ощущений. От удара по самому дорогому.

– Умом двинулся? – заявила неблагодарная девчонка, для полноты впечатлений уперлась мне в бедро острой коленкой и поднялась, смахивая с себя крошево стекла.

Ну, наверное, да.

У меня на руках криминальный труп пилота-курьера, двадцать килограмм кокаина в грузовом отсеке, авиакатастрофа посреди джунглей и стоящий колом член. Очень похоже на психиатрию.

Блестящее, блестящее завершение карьеры, сэр Брайан Уэйд, виконт Эшфорт.

Глава 5. Брайан

Сквозь звуки леса, доносившиеся снаружи, пробивалось неуверенное шарканье. Корпус самолета завалился полубоком. Основной удар всё же пришелся на днище, что меня и спасло.

Проклятье! Сколько я провалялся без сознания?!

– Эндрю, ты жив?! Все живы? – поправился я.

Всё же то, что человек не знает по-английски пятидесятый псалом, не повод его игнорировать. И даже то, что из-за истерики этого «идиота» падение самолета случилось раньше, чем могло бы, не повод. Хотя, возможно, могли и до зоны сети дотянуть. В общем, всё это не повод прибить тупую неадекватную скотину, потому что «гуманизм», бла-бла-бла и международная статья за убийство. Не факт, что удастся доказать аффект.

– Живой, – просипел, покряхивая, американец.

Колумбиец что-то невнятно простонал. А потом разразился восторженной тирадой на испанском на тему «как я рад, как я рад» в честь благополучного приземления, и красочными описаниями действий сексуального характера с неведомым личным врагом колумбасика и его близкими. Вторая часть спича звучала не менее восторженно.

– Келли, лобовое стекло разбито? – попытался перекричать его я, с трудом поднимаясь.

– Да, – подала голос блондинка.

– Всем срочно покинуть самолет! Есть опасность взрыва! – я наконец выпрямился.

Передо мной поднимался американец. Колумбиец стоял на коленях в проходе и размахивал руками, тупица, даже не прилагая усилий, чтобы прислушаться к чужим словам.

– Келли, подожди, мы тебя подстрахуем, – крикнул я блондинке, которая уже выбиралась на четвереньках на нос самолета через раму лобового стекла.

– Перфекто куло! – всё с тем же восторгом воскликнул обернувшийся к ней колумбиец.

Согласен. «Куло», в смысле, задница, была и впрямь «перфекто». Особенно в таком ракурсе.

Блондинка тут же спрыгнула обратно в салон и прижалась спиной к обшивке корпуса. Видимо, осознала, что демонстрировать «куло» трем самцам, пережившим дикий стресс вдали от цивилизации, несколько опрометчиво. Тем более что все трое ранее проявляли к хозяйке «куло» интерес. Даже я, свинья.

– Парень, как тебя зовут? – спросил я колумбасика.

Память работала со сбоями, но всё равно выдала имена пассажиров: Эндрю Додсон, Келли Дежарден, Отавиу Ферран. Но последний не представлялся, так что не стоит вызывать ненужных подозрений.

– Тавиньо, – жизнерадостный debil отсалютовал, поднимаясь с колен.

– Идешь первым. В темпе!

Колумбиец шустро полез в окно.

– Эндрю, ты – вторым.

Не хотелось, чтобы блондинку своими грязными лапищами ловил латинос. А сам я, боюсь, после молотилки не сдюжу.

Американец, не споря, двинулся следом.

– Келли, ты – потом, я – последний.

– А пилот? – испуганно спросила девчонка.

– Пилота с нами больше нет. – Я пробирался между сидений.

Да, все мышцы трясет мелкой дрожью, то ли от ушибов, то ли от адреналина. Сейчас я удержу блондинку, только если она на меня ляжет.

– Но... откуда...

Откуда я знаю? Да он и в небе-то был не жилец. А после такой шедевральной посадки – тем более. Я подошел к пилотскому креслу. Нездоровая краснота с его лица слегка спала, но румянец остался. Щеку рассекал порез, судя по количеству крови, посмертный. Незрячие глаза были открыты. Немудрено, что его можно было принять за живого. Я, на всякий случай, попробовал нащупать пульс на сонной артерии и, ничего не обнаружив, прикрыл ладонью веки. И автоматически оттянул нижнее. Зачем? Видимо, сработали рефлексy. Слизистая была ярко-красной. И тут память, активированная встряской, наконец, выдала диагноз: цианиды. Это – типичная картина отравления цианистым калием. Через пищевод. Причем, судя по развитию симптомов, яд был получен уже на борту.

Господи, ну, почему я?! Почему для этого приключения ты не избрал другую, более подходящую кандидатуру?

– Келли, его уже ничто не спасет. – Я понял, что какое-то время молчу под испытующим взглядом француженки. – Марш на выход, если не хочешь последовать за ним!

Пока она карабкалась на капот, я позволил себе полюбоваться на «перфекто куло».

И полез следом.

Я соскользнул с крутого бока фюзеляжа и неловко брякнулся на пятую точку, споткнувшись о выступающий корень. Корни змеились по земле, как хищные анаконды. Душный полумрак окружал нас зеленой стеной. И тишина. Обычно шумные джунгли, напуганные грохотом вторжения, притихли. Это хорошо. Значит, без сознания я был совсем недолго.

– И чего стоим? А ну вперед от самолета, метров на сто как минимум! – скомандовал я, поднимаясь.

Конечно, как командир я, с грязной от неудачного приземления «куло», выглядел не очень презентабельно. Но пусть берут, какой есть, и тому радуются.

– Предлагаю рассредоточиться в пределах видимости самолета. Вероятность того, что он рванет, не велика. Но есть. Заодно оглядимся, – предложил я.

И нужды естественные справим, дополнил про себя и поковылял в направлении «тормозного пути», почтительно обходя корпус самолета по дуге.

Кто-то из умных сказал, что в джунглях испытываешь восторг дважды: когда с ними знакомишься и когда наконец вырываешься из этого ада. Сельва подавляла своим величием. Сходящиеся где-то возле неба ветви деревьев-гигантов пронзались острыми лучами солнца. У поверхности земли они рассыпались мелким бисером. Стволы с торчащими во все стороны скошенными досками-подпорками были оплетены лианами и укутаны в мох, как в мех. То там, то тут раздавались осторожные пощелкивания птиц-разведчиц.

Я зашел в естественную отгородку из «досок» дерева. Собственно, таких природных укрытий и возле самолета стоял целый лес. Но... воспитание, будь оно неладно. Опять-таки, неловко отливать в присутствии девушки, которую десять минут назад целовал в засос.

Мышцы возвращались в обычный тонус, а мысли крутились вокруг обстоятельств катастрофы. Цианистый калий, вопреки распространенному заблуждению, не имеет выраженного вкуса и запаха. И к мгновенной смерти приводит лишь в большой концентрации¹¹. У пилота симптомы развивались по нарастающей, значит, доза увеличивалась. Как? Как на борту самолета кто-то травил пилота, сидящего у всех на виду, и никто ничего не заметил? Я попытался прокрутить воспоминания, как видео, в обратной перемотке. Вот я отхожу, кричит Келли, пилот обретает сознание и пьет воду...

¹¹ С цианистым калием связано много заблуждений. В частности, заблуждение о его страшной отравляющей силе. Однако есть простой антидот, который существенно ослабляет действие цианидов – это сахар. Глюкоза связывает яд. Именно этим объясняется «стойкость» к яду Григория Распутина. Как известно, группа заговорщиков накормила «Великого Старца» отравленными эклерами. Но сахар, который в них содержался в избытке, нивелировал действие яда. Пришлось увеличивать и без того немалую дозу.

Вот! Вот оно! Яд был в бутылке с водой! Чем больше он пил, тем хуже ему становилось. Других вариантов не было. Вопрос: как эта бутылка попала к пилоту? Его, к сожалению, уже не спросишь. Но ведь интересно!

М-да. Если я расскажу психотерапевту, что интерес у меня вызвали прикладные вопросы использования ядов, она может расстроиться и подумать про меня всякую ерунду...

Путь самолета к последнему пристанищу прослеживался по срезанным веткам, сломанным верхушкам и голубым проплешинам неба. Нашлось и крыло, если его кто-то искал. Однако общий ущерб от падения был незначителен. Вот если бы рванул бензобак, тогда бы нас нашли быстро. И с почестями похоронили останки. А так... Можно искать очень, очень долго, особенно, если толком не знать, где.

Как они могли выпустить из аэропорта самолет, даже не проверив, работает ли у него радиосвязь?! Впрочем, это Колумбия, амиго. А это – маленький частный самолетик, который везет четырех пассажиров и двадцать кило кокаина. Ну зачем ради такой мелочи тревожить сеньора диспетчера?

Решив, что дал самолету достаточно времени, чтобы тот определился, взрываться или нет, я отправился назад. И успел к самой буче.

Глава 6. Келли

В общем-то, только теперь, оказавшись на какое-то время одна, я осознала весь ужас ситуации. Ненавижу сельву. Ненавижу душную жару, в которой между одеждой и гнусом выбираешь потеть в одежде. Потому что гнус – это не только отечные, болезненные укусы, но и тысяча и одна болезнь. И нет гарантии, что ты привита от всех.

Только бы нас нашли! Хотя не знаю, как это возможно в нашем зеленом аду. Не факт, что поможет костер, потому что дым под такой кроной развеется, если вообще ее пробьет. Нужно выходить на открытую местность. Только где она, эта открытая местность? Где мы находимся? Не сбились ли мы с курса, пока пилот был не в себе? А если и не сбились, то в какой точке маршрута мы потерпели крушение и где от нас ближайший источник цивилизации?

Но это всё – завтрашние проблемы. А сейчас нужно решать неотложные. Например, трое мужиков – и километры необитаемого леса вокруг. Если тут кто-то и живет, то вряд ли женщины. А если женщины, то вряд ли добровольно.

С какой стороны ни посмотри, а автомат под боком бы не повредил. На крайний случай – хороший, острый нож. Но у меня и его нет. Остается надеяться на здравый смысл двух третьих мужской части компании. То, что он отсутствует у «Тавиньо», и так ясно. У двух остальных – под сомнением. Но, может, пока они будут выяснять, кому принадлежит главный приз, мы выйдем к людям. Значит, стратегия поведения – спокойный нейтралитет. Беспомощность – дозировано, ровно, чтобы будить отеческие, а не основные инстинкты. Глупость – умеренно, чтобы и симпатии не возникало, и желания прибить – тоже. Больше молчать, меньше действовать. Пусть мачо нас спасают, у них энергии много. Заодно и поизрасходуются. Авось, на приставания сил уже не хватит. Мне кажется, отличная стратегия.

Главное, чтобы тактик во мне не подкачал.

Когда я вернулась из пешего неэротического путешествия, Тавиньо и Эндрю уже были возле самолета. Колумбиец пытался прорваться к фюзеляжу, а американец его не пускал, растопырив руки.

– Ой, а что у вас тут происходит? – спросила я миролюбиво, как положено настоящей любопытной блондинке.

– Этот хото не пускает меня в самолет! – объяснил для непонятливых колумбиец.

– Да? А почему? – поддержала я беседу.

– Потому что он их де ла пута! – аргументировал Тавиньо на обценном испанском.

– А что означает «иходелапута»? – невинно поинтересовалась я.

Американец смутился. Возможно, уровень его испанского не отличался от французского. Но то, что «пута» в пристойном варианте звучит как «девица с пониженной социальной ответственностью», он, видимо, знал.

– Сын бешенной ослицы и каймана! – проявил колумбиец творческий подход к переводу, и в чем-то был близок к оригиналу. Вряд ли такую самку можно было назвать разборчивой в связях.

– Фу-фу-фу! – сморщила я носик. – А почему вы его не пускаете? – обратилась я к американцу с сомнительной родословной.

– Вдруг этот... что-нибудь еще нажмет, и самолет всё-таки взорвется? – резонно заявил Эндрю, вытирая рукавом пот со лба. Он так и не снял пиджак, страдалец во имя имиджа.

Интересно, как надолго его хватит? Сельва очень быстро обнажает истинную суть человека, срывая всё наносное.

– На что ты намекаешь, мохон?! – возмутился Тавиньо и полез на оппонента с наскоками, выпячивая грудь, как петух на боях.

Не знаю, как он разглядел в словах американца какой-то намек. По-моему, всё предельно четко и конкретно. Но сильнее меня поразила не критичность нашего латиноамериканского спутника. То есть, с его точки зрения, он тут вообще не при чем, а самолет упал исключительно из-за несвежей кармы.

– О чем спор? – в разговор вмешался незаметно вернувшийся англичанин.

– Он не пускает меня в самолет! – снова возмутился колумбиец, но, на мой взгляд, британец был не тем человеком, которому стоило жаловаться.

– А зачем тебе нужно в самолет? – задал закономерный вопрос красавчик.

– Тебе какая разница, гринго де лос кохóнес?! – взревел Тавиньо, видимо, исчерпав невеликие запасы терпения.

– Он не «гринго», – поправила я.

– Что, отсосала ему, и сразу стала умной? – взъелся колумбиец на меня.

– Я никому ничего не отсасывала. Это «раз». А во-вторых, для того, чтобы понять, что он не из Штатов, ума не надо. Достаточно иметь уши. Он англичанин.

– Давайте мы сейчас все выдохнем и попробуем начать с самого начала, – предложил красавчик. – Представимся, раз уж нам придется провести какое-то время вместе. Я действительно из Великобритании. Меня зовут Брайан Уэйд. Биолог. Летел в Венесуэлу, чтобы продолжить экспедицию.

Он кивнул в мою сторону.

– Меня зовут Келли Дежарден. Я живу во Франции. Работаю в индустрии моды. Летела в Тунху к своему родственнику, – сообщила я о себе необходимые сведения.

Про похороны благополучно умолчала, потому что живой родственник, который ждет меня в Тунхе, лучшая защита, чем мертвый.

– Эндрю Додсон, – представился американец с голливудской улыбкой. – Компания «Экола», Майами. Органическая еда для здоровой жизни. – Рекламные интонации, отработанные до автоматизма. – Я – менеджер по поставкам сырья из Латинской Америки. Летел в Тунху для заключения прямых договоров с фермерами.

Он снова улыбнулся, как воплощенная мечта дантиста, и развел руками.

– А я – Отавиу Ферран. Футболист. Играю за Индепендьенте Медельина. Лечу, – летел, – на свадьбу к старшему брату. Боюсь представить, что со мной сделают родственники, когда я туда всё-таки доберусь.

– Футболист в Колумбии вообще профессия опасная. Один неловкий гол – ты мертвец¹², – утешил его Брайан.

Впрочем, Тавиньо в словах британца сарказма не заметил и довольно заулыбался. По-дружески шлепнул Уэйда по плечу и спросил:

– Ну, что? Теперь-то можно уже добраться до багажа?

¹² Защитник сборной Колумбии по футболу Андрес Эскобар на Чемпионате мира-1994 в матче против США забил автогол. Проиграв эту встречу, колумбийцы не смогли выйти из группы и улетели домой. Через несколько дней Эскобар был расстрелян в своём автомобиле. Каждый выстрел киллер сопровождал криком: «Гол!».

Глава 7. Брайан

Ой, боже ж мой, вы посмотрите: она работает в индустрии моды! Два раза проходила мимо подиума! Нет, девочка, безусловно, модельной внешности. Но ростиком не вышла. Так что нечего тут заливать. Торгует в каком-нибудь бутике. И уже: «работаю в индустрии моды». Менеджером по персональному продвижению женского нижнего белья.

Мысль о женском белье разбудила вольные фантазии о том, что прячется под футболкой и джинсами блондинки. И ниже. Интересно, она блондинка натуральная?

Что-то меня не туда понесло. Это всё разлагающее влияние джунглей. Какая-нибудь орхидея с эффектом афродизиака.

– Если ты спрашиваешь о разрешении добраться до багажа, то разрешаю, – щедро позволил я колумбийцу, который ждал моего ответа. – А если про возможность, то не уверен. Никогда раньше не открывал багажное отделение самолета.

Добраться до вещей нужно. Чтобы элементарно взять оружие, что в сельве совсем не лишнее. Во-вторых, стоит понаблюдать за пассажирами. Не будут ли искать тайник. В-третьих, необходимо найти лом и лопату, или что-то в этом духе. Если в течение ближайших нескольких часов нас не найдут, придется озадачиться погребением пилота. В местном климате к утру он своим смрадом притянет сюда половину живности. Ни одну из этих тварей я не хотел бы видеть рядом. И даже издалека.

И переодеться было бы неплохо.

– Ты бы снял пиджак, – посоветовал я американцу, пока мы шли к хвостовой части.

Здесь пахло бензином. Похоже, оставшиеся в живых топливные баки повредились при посадке, но по какой-то причине не сдетонировали.

– Рубашка испачкается, – выдал Эндрю столь потрясающую причину, что меня просто надвое сложило от смеха.

Додсон смотрел на меня с сочувствием. Наверное, посчитал, что у меня истерика. Возможно, он был не так далек от истины.

– Если нас не найдут в течение первых суток, придется выбираться самим. И на второй день мы все будем, как свиньи. Забудь про гигиену и стирку. Наша задача – выжить. А все эти благоглупости, типа: «Ах, как я выгляжу», оставь красотке Келли.

Я обернулся к блондинке и обнадеживающе подмигнул. Женщине в походе всегда тяжелее, чем мужчине. Она очаровательно улыбнулась. Такая милашка! Страшно представить, во что она превратится за неделю в сельве. Так что не буду представлять. Сам увижу, если не посчастливится.

К моменту, когда мы добрались до люка багажного отделения с нашими морально-этическими остановками, всё было кончено. В смысле, люк открыт, а Оттавиу уже вовсю копался в хламе.

– Мне кажется, ты это не грузил, – подал я голос, наблюдая, как колумбиец пытается вскрыть ящик. С посудой. Точнее, там была посуда. При погрузке.

– Для всех мы уже погибли, – невозмутимо ответил колумбиец и, махнув рукой на ящики, полез в свой чемодан. – Им всё равно, страховка покроет.

Он вытащил из кома шмоток пачку сигарет, вынул одну, сунул в зубы и стал хлопать по бедрам в поисках зажигалки.

– Тавиньо, ты охренел?! Здесь всё провоняло бензином. Решил исправить оплошность Бога, и всё-таки устроить взрыв? – Я с трудом держался, чтобы не повторить апперкот.

– А?... – всполошился колумбиец. – Я – нет. Спасибо!

Не знаю, отчего он отказался и за что благодарил. Но он отошел от самолета подальше и блаженно закурил, делая частые затяжки.

Пока остальные копались в вещах, я захватил свою сумку, чехол с ружьем и решил осмотреть злополучную бутылку. Вдруг «сюрприз» одной бутылкой не ограничится?

Упираясь в фюзеляж самолета, я поднялся по косой «доске» у основания ближайшего ствола, взобрался на носовую часть и влез внутрь. Мертвый пилот, к сожалению, никуда не делся. Так и сидел, пристегнутый к креслу. Я вздохнул. Нет, способ «проснуться, и всё будет хорошо», здесь не работает. Очень жаль.

Перчаток не было. Осмотр «орудия преступления» пришлось проводить голыми руками. Бутылка была обычная, пластиковая. Бренд местный, медельиновский, а не повсеместная бонаква. Интересно, как злоумышленники узнали, какую воду он будет пить? Или он всегда пил только эту? Я аккуратно вытащил бутылку из тугого держателя и открутил крышку. Поднес к носу. Запаха нет. На вкус пробовать не хотелось. Осмотрел дно на свет. Кристалликов или другого осадка не было. Я машинально попытался скovyрнуть крохотное пятнышко в верхней части. Оно не скovyрнулось. Присмотрелся. Вопрос, откуда преступники узнали марку воды, отпал сам собой. Пятнышком было мельчайшее отверстие, как от иглы шприца. Значит, бутылку не подменили, а просто влили в нее яд. Хотя, даже если и подменили, яд в нее как-то нужно было влить.

Когда? В какой момент это случилось? Целью было просто отравить пилота или организовать крушение?

Снаружи послышалось шуршание. Я засунул бутылку обратно в крепление и торопливо подошел к дверце, чтобы изобразить титанические усилия по борьбе с замком. В прорехе лобового стекла появилась белокурая головка Келли.

– О, я так и подумала, что ты пытаешься открыть дверь, – с выражением «ты мой герой», заявила она, просунув голову в салон.

Да, детка, я такой.

Она пролезла ногами вперед.

– У меня здесь где-то дамская сумочка должна валяться. Не видел? – спросила девчонка, настороженно глядя на труп пилота, будто он, как в фильмах о зомби, мог восстать и откусить ей руку.

И потянулась... к бутылке!

– Не трогай! – остановил ее я.

– Не нужно так пугать, – упрекнула блондинка, вздрогнув.

– Зачем она тебе понадобилась?

– Как ты думаешь, здесь есть запас питьевой воды? – перевела она тему.

– Зачем тебе бутылка, из которой пил погибший?! – прошипел я.

Девчонка дернулась, будто от удара. Затем, насупившись, заявила:

– Очень скоро всем станет глубоко плевать, кто из какой бутылки пил.

В чем-то, конечно, она права. Хотя неужели эта фифа с претензией на гламурность согласилась бы сделать глоток воды, которую пил мертвец? Когда был жив, конечно. Фу-у-у!

– Вряд ли кто-то захочет пить из этой бутылки, – возразил я.

– Проведем эксперимент? Итоги подведем завтра к полудню, – она сложила руки на груди.

– Спорим? На желание, – понесло меня.

Это всё джунгли. С афродизиаками. Дикая природа. Древние инстинкты. Короче, тройку подходящих желаний я уже придумал.

– Ну уж нет. Ты туда какого-нибудь жука вонючего ради выигрыша подбросишь.

– Еще чего!

– Это – сельва. Здесь чистая питьевая вода ценится на вес золота!

– Это если она чистая, – хмыкнул я. – И питьевая.

Она вдруг прикрыла рот рукой и выпучила глаза.

– Ты хочешь сказать, что вода... Что пилот... Что его кто-то... – пролепетала блондинка, глядя на меня с таким ужасом, будто это я: и воду, и пилота. И ее вот-вот, за компанию.

В общем, секретный агент из меня оказался никакой. А я говорил, Боже. Я говорил, что не подхожу для этой миссии!

– Думаю, да, – пришлось признаться мне.

– Какой кошмар! А кто?

– Сейчас положу руку на бутылку, и она мне всё расскажет.

– А ты можешь? – с благоговейным трепетом спросила девчонка.

Вот до чего доводит неокрепшие умы бульварная литература про вампиров и драконов!

– Келли, а на вид ты кажешься взрослой девочкой, – упрекнул я. – Нет, конечно.

– Жаль, – огорчилась она. – Какой кошмар...

– Кошмар, – кивнул я. – Только, пожалуйста...

Блондинка, которая в состоянии о чем-то промолчать, относится к той же категории сказочных персонажей, что эльфы или гномы. Но, может, просьба хоть немного задержит воду в прохудившейся кастрюльке.

– Да, да, конечно, никому ни слова, – она застегнула рот на воображаемую молнию. – Ты думаешь, это кто-то из нас?

– Угу. Тебе не кажется, что авиакатастрофа – не самый простой способ самоубийства? – саркастически полюбопытствовал я.

Она пожала плечами:

– Ну, не знаю... Тавиньо тот еще креативщик, – задумчиво возразила она.

– Ого! Колумбасик у нас уже «Тавиньо»? – почему-то задело меня.

Это всё джунгли. Древние инстинкты. Шкура мамонта, дубина, пещера... Женщина, которую туда нужно притащить.

Блондинка тяжело вздохнула.

– Ты сумочку мою здесь не видел? – спросила она. – Нет? Ну, тогда я пошла искать.

Глава 8. Келли

Поздравляю, Келли, тактик из тебя, как из гориллы – балерина! Хорошо, что у Брайана, как положено британскому красавчику чистых кровей, в самомнение и мускулы вложено больше, чем в мозги. Иначе бы он заметил мой неадекватный выпад на счет ценности воды. Ведь решила же: молчать. Сидеть и хлопать ресничками. Хлоп-хлоп, хлоп-хлоп. Больше молчишь – красивее выглядишь.

И главное, не нужна была мне эта бутылка. Просто хотелось что-то в руках покрутить, чтобы отвлечься от взгляда Уэйда. Раздражает. Еще сильнее, чем у колумбийца. С тем всё понятно: уже десять раз про себя раздел и пять изнасиловал. А Брайан упрется своими глазами, и чёрт-те что у него в это время в голове творится. Может, там и шаром покати, как в пустыне Атакама. А может, компьютер жужжит вентилятором, просчитывает варианты. С этими аристократами никогда ничего неясно. Делают одно, говорят другое, думают третье.

А эти его претензии, а? «Колумбасик у нас уже „Тавиньо“» Вы слышали, нет? Ты летел себе по другому борту, вот и лети дальше... как фанера над Парижем. Как ни крути, а Эндрю из всех попутчиков – самый безопасный. Скромный. Деликатный. Как телёк на ярмарке: кто за веревочку поведет, за тем и пойдет. Сейчас главное дать ему пару-другую дельных советов по выживанию. Вскользь, между делом. Чтобы не сильно бросалось в глаза. А он потом из благодарности мне нижеспиные прикроет. Он знает, что такое благодарность.

...О, а вот и сумочка! Забилась под сидение, что стояло следом за моим. Куда бы мне забиться...

...А я – нет. В смысле, не знаю, что такое благодарность. Раздражает меня чертов британец, или нет, но он спас мне жизнь. Даже дважды, учитывая бутылку с ядом. Я медленно выдохнула, повернулась к нему и извиняющимся тоном произнесла:

– Спасибо!

Брайан вздрогнул от неожиданности:

– Не за что, – ответил он и толкнул дверь.

– За то, что спас, – пояснила я, чтобы у него не сложилось неверное представление, что я о выходе.

Дверца съехала вбок, открывая вид на джунгли. Порог зависал примерно на уровне моего роста. Не знаю, чем нам поможет этот цивилизованный выход, из которого и выход так себе, а вход-то точно никакой.

– Ну... лучше поздно, чем никогда, – удовлетворенно прокомментировал мои слова британец.

Я – блондинка. Я молчу. Молчу и хлопаю ресничками: хлоп-хлоп, хлоп-хлоп. А то опять до чего-нибудь договорюсь.

– Извини, – смиренно повинилась я. – Я была слишком потрясена аварией. И гибелью пилота.

Хлоп-хлоп. Хлоп-хлоп.

По лицу было видно, что Уэйд готовился сказать какую-то язвительную гадость, но тоже взял себя в руки и, как положено правильному аристократу, ответил:

– Я понимаю. Рад, что ты заметила.

Снаружи послышалась перепалка между Эндрю и колумбийцем. Не хватало еще, чтобы они сцепились. Американец мне нужен живой и здоровый. А в драке с Отавиу я бы на него не поставила.

– Да что ж они опять не поделили?... – разделил мою досаду Брайан и пружинисто спрыгнул вниз, придерживаясь рукой за порог.

Парень был в прекрасной спортивной форме. Я поковыляла следом. Спустила одну ногу за другой и, удерживая вес на животе, стала скатываться. И попала в чьи-то твердые руки, которые вцепились в мои ребра и поставили меня на землю, на секунду прижав спиной к чьей-то горячей груди.

– Можешь не благодарить, я помню: ты в шоке, – выдохнул мне в волосы британец.

Я – блондинка. Я молчу.

– Спасибо, – пискнула я, и он легонько шлепнул меня по заднице, подталкивая в сторону скандала.

– ...Отойди от багажа, – говорил американец, стоя на земле. Рядом с ним лежал открытый чемодан с идеально сложенными по пакетикам вещами. – Это – не твоё.

– Чупа-чупа перули! – насмешливо ответил на это футболист.

Сама по себе фраза «соси-соси леденец» была вполне невинна, но характерный жест у паха придавал ей похабный оттенок. Сам колумбиец повеселел. В глазках заблестел огонек. Кажется, сигареты из багажа были не просто сигаретами¹³.

– Отавиу, объясни, пожалуйста, чем ты занимаешься? – вежливо, но со стальными интонациями поинтересовался Брайан.

– Ищу что-нибудь полезное, – радостно сообщил колумбиец.

И не понятно: то ли полезное всем, то ли ему лично, но скорее выборочно: что нужное – ему, что ненужное, тем он мог и поделиться.

– А давай искать вместе! – скопировал его придурочные интонации британец и легко запрыгнул в багажное отделение.

Я в очередной раз позавидовала его форме. У меня со спортом всегда были проблемы, хотя на выносливость я никогда не жаловалась.

На челе Отавиу отразились следы мыслительной деятельности. Видимо, такое предложение не совпадало с его планами.

– А ты чего здесь раскомандовался? – недовольно заявил он. – Тебя командиром никто не выбирал.

– Могу сказать одно: тебя командиром не выберут совершенно точно! – парировал британец.

– Зато я здесь всё знаю, – возразил колумбиец.

– Да? – удивился Уэйд. – Тогда скажи, где мы находимся.

– В сельве, – ответил футболист со знанием дела.

– Ого! Ни за что бы не подумал! А где именно в сельве? – продолжал допытываться британец.

– Можно подумать, ты знаешь, – буркнул футболист. – У тебя что, связь появилась?

– Нет. Но, как ни смешно, у меня есть карта. И по времени в пути мы можем примерно определить район падения. А у тебя?

– А меня есть ты, который скажет, где мы упали, – довольно заявил колумбиец, несколько переходя границы в нашем межнациональном диалоге.

– Шутки шутками, – уже серьезно ответил Брайан, обращаясь ко всем, – у нас серьезные проблемы.

– Да ну? – потянул колумбиец, но Уэйд его проигнорировал.

– Нам нужно привлечь внимание поисковых самолетов, – продолжал британец.

¹³ В Колумбии легализованы гашиш, марихуана и кокаин. Разрешенное количество вещества для хранения: 20 грамм (марихуана) и 1 грамм (кокаин). Инъекционные наркотики там популярностью не пользуются. Предпочтение отдается легким.

– Но, боюсь, если на борту не работала радиосвязь, никто не знает, что мы потерпели крушение, – возразил Эндрю. – И не узнает еще... Где-то с полчаса, – он взглянул на наручные часы.

– Да никто не будет нас искать! – выплюнул Отавиу с ненавистью непонятно к кому. – Неужели вы не понимаете?! Нас похоронили, – он кивнул головой в сторону носовой части самолета. Туда, где находилось тело пилота. – Может, сделают ради приличия пару кругов возле аэропорта... Все нормальные люди понимают, что если мы взорвались, то какой смысл нас искать? А если не взорвались, то повстанцы нас найдут раньше, чем правительственные силы. Давайте им помогаем, чтобы удобнее было обнаружить. Гринго на выкуп, британец на органы, блондинка на потеху, и я – в качестве декорации пейзажа свежим трупом.

– Нас будут искать, – убежденно заявил Брайан.

Колумбиец расхохотался.

– Ты – сын миллиардера? – насмешливо спросил он, даже не подозревая, насколько близок к истине, судя по моим наблюдениям.

Но, как ни странно, Уэйд не признался. Впрочем, я бы на его месте тоже не призналась.

– На борту граждане трех иностранных государств, – напомнил он вместо этого.

– Вашим посольствам принесут соболезнования, – фыркнул колумбиец. – Надо выбираться самим.

– Предлагаю развести сигнальный костер в «окне», там, где самолет вошел в полог леса. Я проходил в ту сторону, там есть открытые места, – словно не слыша его, продолжал британец. – Это даст спасателям возможность нас заметить.

– Я – за, – поднял руку Додсон.

Три пары глаз устремились на меня.

– А ты что думаешь, Келли? – спросил Брайан, намереваясь получить полное численное преимущество.

Я была согласна, что вряд ли нас будут искать всерьез. Кем бы ни был Уэйд в Англии, здесь он никто, и ради него колумбийцы куло не почешут. И выходить, скорее всего, придется самим. А мы не готовы к походу по джунглям от слова «совсем», за исключением, разве что, британца. И тот, скорее всего, не заморачивался оборудованием и пропитанием, поскольку всё это можно найти на месте организации экспедиции. Никто не идет в джунгли без команды носильщиков и проводника. Думала, что погребальный костер был бы идеальным концом для неизвестного пилота. В стиле языческих обрядов и, главное, безопасно и не обременительно для оставшихся в живых. Но вряд ли эти мысли соответствовали избранной мною роли.

– Я думаю, что хочу пить. И скоро захочу есть, – ответила я.

Глава 9. Брайан

Я с трудом удержался от того, чтобы закатить глаза. Вопрос был предельно прост. И ответ был очевиден. Но, похоже, все извилины блондинки ушли в локоны.

– Нам было очень интересно узнать о твоих насущных потребностях, – сообщил я. – А теперь всё же скажи, что ты думаешь по поводу костра?

– По поводу костра я думаю, что если кто-то вынет из чехла своё «пёрдэ»¹⁴ и чего-нибудь настреляет, нам будет, что на нем поджарить, – заявила девчонка, и мне слегка поплохело.

Я постарался выдержать лицо, чему очень помог колумбиец, оттянув на себя внимание:

– «Пёрдэ»! – заржал он, как мерин в стойле. – Ой, не могу! Не смотри на его пукалку, детка, – обратился латинос к Келли. – Иди ко мне. Мое ружье, – он пару раз качнул бедрами, – бьет без промаха.

– Да? – восхитилась дурочка. – Тогда вы тоже можете раздобыть что-нибудь из дичи на ланч, – ответила она с невинным видом.

Может, и не дурочка. Может, только прикидывается. Что наводит на очень нехорошие размышления. У уха взвынул комар. Я хлопнул ладонью, но, кажется, не попал. Местные москиты почуяли добычу и вскоре начнут массовые миграции к месту обитания теплокровных жертв. Еще один довод в пользу костра, который, по понятным причинам, не стоит разводить у самолета.

– Я тут поохочусь. Обещаю, если будет крупная добыча, обязательно с тобой поделюсь, – уведомил блондинку совсем потерявший управление колумбиец.

Похоже, дымнул он чем-то покрепче табака. Так-то оно и ладно, каждый сам творец своего конца. Но не в джунглях же, где одна ошибка – и все мы трупы.

– Отлично, – обрадовалась девчонка. – Тогда вон тот упакованный с синюю пленку чемодан подай, пожалуйста, – она показала рукой налево от футболиста. – Я, конечно, понимаю, что не вовремя, но, мистер Уэйд... – обратилась она ко мне. – Вы же в экспедицию собирались. У вас, случаем, котелка в вещах не затерялось?

Архетипическая женщина должна архетипично думать об очаге и еде для самца, который приносит ей мамонта. Это прекрасно, если бы не одно «но». Из слов девчонки следовало, что она разделяет мнение колумбийца. Просто боится сказать это в открытую.

– Видите, Келли тоже считает, что нас искать не будут, – сделал аналогичный вывод колумбиец и придвинул ее чемодан на край. – Молодец, детка, ты выбрала правильного папочку!

– Я не считаю, что нас не будут искать, – с жаром возразила блондинка, потянула багаж на себя и жалобно взглянула в сторону американца.

Тот подорвался и аккуратнo опустил чемодан на землю.

Это, типа, она «выбрала папочку»? В смысле, он же ей в отцы годится. Плюс/минус.

– Просто если нас не найдут... – она благодарно улыбнулась Додсону и повернулась ко мне: – Тут и сейчас-то не слишком светло. А в шесть¹⁵, наверное, будет хоть глаз выколи. А так-то я, конечно, считаю, что нужно сделать всё, чтобы нас нашли. Предлагаю помолиться за это¹⁶.

¹⁴ Пёрдэ (J.Purdey & Sons) – современный британский бренд винтажных курковых охотничьих ружей со стоимостью от 90 тыс. долларов.

¹⁵ Колумбия расположена недалеко от экватора, поэтому день и ночь примерно равны друг другу в течение всего года. Рассвет примерно в шесть утра, закат – в шесть вечера.

¹⁶ В Англии много верующих людей. И даже среди тех, кто относит себя к неверующим, в сложных ситуациях 20 % молится (как показал относительно недавний опрос). Элементы религиозного образования есть в школах, в которых кроме предмета об истории религий, есть дневная молитва (в Итоне есть еще утренняя и вечерняя). Среди взрослого населения Великобритании, согласно опросу, молятся более половины. Около 3/4 молятся за свою семью, 41 % благодарят Бога за что-либо, 40 % просят

Она закрыла глаза, сложила руки на груди и зашевелила губами. Kinder, Küche, Kirche. Прямо идеальная женщина. Я наблюдал за спутниками из-под приоткрытых век. Американец несколько раз перекрестился ладонью. То ли католик, то ли англиканин, то ли лютеранин. Колумбиец, убедившись, что никто его не видит, тоже произнес короткую молитву, быстро перекрестился и поцеловал распятие на цепочке.

В целом, девчонка, конечно, права. Нужно надеяться на лучшее, но готовиться к худшему.

– Предлагаю разделить силы, – заговорил Эндрю. – Мы сейчас втроем идем выбирать подходящее место для костра. Собираем дрова для первой партии. Потом мы с Отавиу его разводим и какое-то время поддерживаем, а Брайан пытается что-нибудь настрелять. Келли тем временем осматривается в самолете. Если до четырех спасатели не появятся, нужно будет похоронить пилота и готовиться к ночлегу.

Казалось бы, он просто повторил мои слова. Но мне они почему-то не понравились. В первую очередь тем, что их произнес не я, а «папочка». Но именно сейчас очень важно не разжигать споров. Так что я согласился. В конце концов, разделение сил оптимальное. Неадекватно убираем подальше от самолета, но под присмотр американца. Девчонка проводит ревизию груза. Тайник при таком раскладе тоже будет под контролем.

Мы втроем вытащили труп через пассажирскую дверцу и накрыли его парусиной из багажного отделения. Келли нас за это горячо поблагодарила и сразу начала деловито осматривать салон. Пока американец переодевался в более демократичные джинсы, рубашку в клетку и сандалии, я тоже сменил низ и переобулся в берцы. Отавиу успел скурить еще одну сигаретку, но не пойман – не наркоман.

– Йех-ху! – донесся радостный клич девчонки из самолета. – Смотрите, что я нашла! – Она стояла в двери и размахивала двумя поллитровыми бутылочками воды. – Там две упаковки, – закончила она, глядя на меня.

– Ты бы лучше в туфлях остался, – посоветовал я Додстону, вытащил походный котелок и, подтянувшись на пороге, поднялся в салон.

– Покажи бутылки, – попросил я у девчонки, поставив рядом с ней котелок. Вот, видишь? Кто принесет к твоей пещере мамонта лучше?

Она послушно отдала обе.

– С чего ты взяла, что у меня «Пёрдэ»? – наконец задал я вопрос, который не давал мне покоя.

– Ну, учитывая, что ты posh¹⁷, начиная с акцента, заканчивая пошитой на заказ обувью, сложно предположить что-то другое, – фыркнула блондинка, разглядывая бутылки, которые я прокручивал по очереди в руках, а в следующий момент уставилась на меня, будто на моих плечах выросла вторая голова с тремя глазами: – У тебя что, реально «Пёрдэ»?

Я даже не знал, что на это ответить. Потому что – да.

– Ты больной? – с тем же выражением продолжила она. – Хорошо, что Отавиу не знает, что это такое, и здесь нет Интернета. Как ты думаешь, ее можно пить? – перевела Келли тему.

Следов инъекций я не обнаружил.

– Думаю, можно. Предлагаю опробовать на Ферране, – не удержался я.

Девчонка сморщилась:

– Вообще-то это нечестно.

– Я не вижу никаких признаков впрыскивания яда, – попробовал убедить ее я. – Но, если хочешь, пей первой.

о здоровье, 24 % молятся за мир во всем мире и о преодолении глобальных проблем.

¹⁷ Posh – сложно переводимое на русский язык слово, аналога которому нет в российском менталитете. Это одновременно аристократизм, интеллигентность, приверженность традициям и уровень крутизны в британском обществе. Так же называется характерный аристократический диалект с чистым произношением и специфическим набором слов-маркеров.

– Ну уж нет. Тогда пусть лучше «Тавиньо», – она поставила пальчиками кавычки. – А он быстро действует?

– Зависит от концентрации.

Я осмотрел еще две бутылочки.

– Почему у тебя такой чистый английский? – спросил я у девчонки.

«И откуда ты знаешь, что такое *posh*?» – добавил про себя.

– А почему ты столько знаешь про яды? – парировала она.

– Я, пожалуй, пойду.

– Да уж, пожалуй, иди. Если там возникнут сложности, пальни пару раз, пожалуйста.

Милая, добрая, гуманная девочка Келли. С кучей блондинистых скелетов в своем французском шкафу.

Глава 10. Келли

Наконец отзвук мужских голосов стих в щебете птиц и шуме ветра в ветвях, и я смогла спокойно выдохнуть. Всё-таки Брайан с этим своим «ни_за_что_не_угадаешь_о_чем_я_думаю» взглядом – то еще испытание для нервов. Ага, биолог он, как же! Юный натуралист! Одежда, пошитая на заказ у модного портного – posh. Винтажное Пёрдэ – posh. Ложа в Королевском оперном театре, клубная карта «White's»¹⁸, членство в крикетном клубе – это всё posh. Образование в области естественных наук – категорически не posh! Подойдет гуманитаристика, какая-нибудь «Английская проза конца XVII века». Общественные науки. Но не биология, я вас умоляю. Самый крайний случай – коллекционирование насекомых. Могут простить как милую posh-экстравагантность. Posh и колумбийская сельва вязались примерно так же, как английский дог с чихуахуа¹⁹.

Тогда что он тут делает, скажите на милость? Что за извращение такое: летать частной «попуткой» с ружьем, которое стоит примерно столько же, сколько и транспорт? Это как путешествовать автостопом в бриллиантовом колье.

Я тоже, молодец. Рядом с этим высокородным снобом я и вправду превращаюсь в «блондинку». Как вам ответ на элементарный вопрос о моем английском? Что, было трудно ответить: «Училась в Великобритании»? Или еще лучше: «Училась».

Наверное, привычка не отвечать прямо на прямые вопросы пришла именно с тех времен, когда я «училась». Экспедиции были тяжелы физически, зато там всё было просто и понятно. Вот мы с папой, вот – остальной мир, дикий и нецивилизованный, который нужно приручить. А когда мы возвращались в Кембридж, начиналось самое страшное. Папа тоже был posh. Поэтому в Англии меня неизменно отправляли в лучшую паблик-скул для девочек. Не знаю, как сейчас в Итоне, говорят, после семидесятых в ней прекратились издевательства над новичками. Но в моем серпентарии их никогда официально и не было. Поэтому, – официально, – бороться было не с чем. Ведь это же лучшие дочери британской аристократии, хрупкие гортензии. Лишь редкие цветоводы знают, что гортензии могут быть смертельно опасны²⁰.

По понятной причине образ «солнечной девочки», который безупречно действовал в Южной Америке, с одноклассниками не сработал. Для них я была «грязнокровкой» со смешным акцентом, обоженная почти дочерна тропическим солнцем. От меня отсаживались, обсуждая за моей спиной, каких глистов я привезла из диких стран. Я не разбиралась в театральных премьерах и выставках, модных брендах и молодежных сериалах. По моему лицу можно было прочитать все мысли.

Я была не posh.

А этого в правильном аристократическом обществе не прощают.

Мне не устраивали «темную». Не портили письменных работ. Просто хихикали над моими неловкостями. И о каждом проступке, несоблюдении неписанных законов школы тут же доносили учителям. Тьютор каждый раз жаловалась папе на трудновоспитуемого подростка. Меня б отчислили, если бы не блестящие успехи в учебе и победы на художественных конкурсах. Иногда хотелось специально провалить контрольную. Но потом я думала, что папе будет стыдно, и как обычно писала на высший балл.

¹⁸ «White's» – один из древнейших (основан в 1693 году) и престижнейших частных закрытых мужских клубов в Великобритании.

¹⁹ Чихуахуа, если вы вдруг не знали, ведут свои корни (точнее, несут свои гены) от собачек ацтеков, которых те разводили, как ни печально, на еду и для жертвоприношений.

²⁰ Гортензии содержат в цветах и листьях цианидогены: вещества, из которых в организме образуются цианиды.

Я старалась. Я очень старалась стать, как все. Работала над произношением, перепахивала Интернет в поисках всевозможных posh-сведений. Тренировалась перед зеркалом держать лицо. Но... я опоздала. Всё это нужно было делать ДО школы. Ярлык плебейки приклеился ко мне намертво.

В старших классах стало легче. Предметы сократились до профильных, а в изобразительном искусстве остальным до меня было, как до Колумбии пешком. Иностранные языки я знала на уровне носителей. Занятия стали почти индивидуальными. Девочки-одноклассницы повзрослели, и у них появились более интересные занятия, чем травля странной дочери странного профессора.

И тогда началась вторая часть Марлезонского балета²¹.

Он был старшим братом моей одноклассницы. Аристократ с родословной со времен Войны Алой и Белой розы. Очаровательный, обаятельный, джентльмен и уже студент. Он сопровождал меня в галереи, приглашал на соревнования по гребле, в которых участвовал, и даже возил на настоящую лисью охоту. Я влюбилась как дурочка. Рассказывала ему о наших экспедициях, показывала свои рисунки, мечтала о его визитах, как о солнце в промозглое английское утро. И даже целовалась с ним. Гадюки-одноклассницы подходили ко мне, чтобы лицемерно сообщить, как завидуют. Сестренка его даже показательный скандал закатила, лишь бы обеспечить достоверность ухаживаний. К счастью, выдержки у самой моей лютой подруги оказалось меньше, чем следовало. И я узнала о его страничке в Твиттере, где он делился впечатлениями о романе с парией, прежде чем дело зашло слишком далеко. А оно бы зашло, судя по обсуждениям.

Потом, когда я стала той, кем стала, он писал, что я ему действительно нравилась тогда. Что со мной было интересно. Но он должен был держать лицо перед приятелями.

Да мне плевать.

Просто это стало последней каплей, которая определила мое будущее. И отношение к posh. Всё, чего они заслуживают – дарить мне подарки и умолять о внимании. Так что, Брайан Уэйд, засунь себе свои собственнические замашки туда, куда не попадает солнечный свет. На меня твоя магия не действует. Свободен!

²¹ Фраза «вторая часть Марлезонского балета» получила свою популярность благодаря фильму «Д'Артаньян и три мушкетера», которого, конечно, Келли не смотрела. Но про Ма(е)рлезонский балет могла знать. «Мерлезонский балет» – пьеса, написанная и поставленная Людовиком XIII. В целом получилось ярко и весело, но шестнадцать(!) актов современники сочли перебором.

Глава 11. Брайан

Под пологом ветвей было душно, а на пяточке «окна», залитом полуденным солнцем – еще и жарко. В бензобаке крыла обнаружились остатки бензина, под сидением пилота – кусок ветоши, из чего совокупно получилась отличная зажигательная бомба. Она очень помогла в разведении огня. Влажный тропический лес свое название честно отрабатывал. Найти в нем то, что будет гореть без дополнительного горючего, оказалось тем еще квестом. Это вам не по туристическим тропам идти со своим углем. На плечах носильщиков. Но в конце концов бензин из бака, зажигалка Тавиньо, упорство и пара сказанных в сердцах слов (мной – пара; Отавиу, понятное дело, был более многословен) сделали свое дело, и костер задымил. Я даже немного позавидовал Эндрю и колумбийцу, которые оставались поддерживать пламя. Больше дыма – меньше гнуса. Шума поисковых самолетов или вертолетов мы не слышали, но, возможно, черный столб поможет переломить удачу в нашу сторону.

В отличие от Отавиу, я твердо знал, что нас искать будут. Возможно, не сразу. На то, чтобы поставить на уши местные спасательные службы, потребуется какое-то время. Хотелось бы, чтобы оно настало сегодня, а не через неделю. Копать пилоту могилу среди корней, которые переплетаются под землей так же цепко, как лианы и ветви – наверху, удовольствие на любителя. Можно было бы просто оттащить мертвеца подальше. «Санитаров леса» в сельве достаточно. И тех, кто «подчистит» их трупы, которые цианид вскоре пометит жирным надгробным крестом, тоже хватает. Но, во-первых, это не по-христиански. А во-вторых, потом понабегут зеленые, повесят на нас локальную экологическую катастрофу, бла-бла-бла. Не дай бог, какую-нибудь краснокнижную бабочку придавит в процессе повсеместного падежа падальщиков. Придется стать пожизненным донатором WWF. Спасибо, не надо.

Кстати, о WWF.

Я вынул из чехла части ружья и начал его собирать.

– Ух, ты! – восхитился из-за моего плеча колумбиец, который не смог удержать длинный нос вдалеке от оружия и полез под руку, чтобы провести пальцем по чеканке.

– Китай, – уважительно прокомментировал я.

Нечего нашему аборигенному другу знать, что это такое. Тут блондинка права. Благо, на Китай можно спихнуть что угодно и где угодно. Покупаешь в Лондоне магнитик с Биг-Беном, а на нем сзади написано: Made in China. То ли символ Британской Империи, то ли промышленно-торговой гегемонии Пекина.

– Кита-ай, – согласно покивал Ферран, выражая восхищение чужим трудолюбием. А что бы не выразить? Это же не обязывает его вкалывать. Колумбасик особо не перетруждался, хотя кое-что к костру припер.

Мне же предстояло идти на охоту. За парой-тройкой мамонтов. Сельва – это вам не пампасы с табунами необузданных мустангов и быстроногих нанду. Здесь и дичи-то особо нет. Кошачьи сами на тебя не прочь поохотиться, но, к счастью, они предпочитают выходить из укрытий по ночам. Обезьяны... Вроде неловко. Не будешь же ты троюродного брата на костре поджаривать? Тем более что местные обезьяны – совсем не то же самое, что обезьяны Старого Света. Капуцины – они вообще почти как люди на морду. У уакари наоборот, морда похожа на седалищную мозоль бабуина. Тоже аппетит не возбуждает. Капибары предпочитают водоемы. А где те водоемы? Большой вопрос. Из колибри каши не сваришь. Так что остаются попугаи.

Компас на ручных часах позволил определиться с направлением. Для тонкой настройки на обратном пути можно будет ориентироваться по запаху дыма. Для навигации между самолетом и костром мы протянули веревку. Я еще раз проверил связь. Сети не было. Не ловил и GPS. Наверняка дело в сплошной стене леса и кривом рельефе, но как тут не помянуть доб-

рым словом космический суверенитет Колумбии²²? Конечно, всем на него дефека́ть. Но когда очень хочется кого-нибудь обвинить в постигшей тебя несправедливости, чем правительство Колумбии хуже других?

Слева наконец послышались пискляво-скрипучие вопли попугаев. Стайка сварливых, цветастых ара о чем-то переругивалась между собой. Через несколько минут участников пернатого скандала стало на двух меньше. Остальные разлетелись. Но, в принципе, нам больше и не надо. В тропиках впрок заготавливать пищу можно только для разведения плесени. В других целях нужно брать ровно столько, сколько съешь.

Чтобы утешить окончательно, на обратном пути небеса направили меня прямо на дерево манго²³. В остальных фруктах я не очень разбираюсь. А манго ни с чем другим не спутаю. Каких-то двадцать-тридцать попыток, и дубина, подобранная с земли и запущенная вверх «вертолетиком», собрала урожай, ради которого пришлось пожертвовать рубашкой – не в руках же тащить?

Доступу к телу тут же обрадовался местный гнус, и репеллент, чудом оставшийся среди вещей с последней охоты, пошел в дело. В общем, я возвращался в пещеру с добычей и мог, на мой взгляд, рассчитывать на поощрение. Уж на поцелуй-то точно. Но судьба распорядилась по-другому, и я, в принципе, остался не в накладе. Где-то по компасу меня снесло, и вышел я не к костру, как планировал, а к самолету. И, главное, как вовремя вышел! С той точки, где я находился, в разбитое окно самолета были видны только обнаженные плечи блондинки. Но зачем Господь дал нам воображение и руки, если не для пользы дела? Я отложил тушки и рубашку с фруктами, подпрыгнул и зацепился за мощную лиану, по которой на руках добрался до толстой ветки дерева. Я говорил, что фитнес-тренер полезнее, чем психотерапевт!

С дерева открывался совсем другой вид.

Бинокль тоже пришелся к месту, и вскоре я уже мог оценить прелести француженки во всей красе. Грудки были небольшие, но хорошей формы, с задорно торчащими розовыми сосочками. Я прикусил губу в предвкушении. Успокоившееся после приземления либидо вспыхнуло, как костер от тряпки с бензином. К сожалению, доступ к зрелищу был ограничен, и девчонка натянула на сиськи спортивный топик. А сверху – свободную легкую кофточку в бохо-этническом стиле. Зато теперь очередь дошла до джинсов. Белье, увы, она менять не стала. Жаль, очень жаль. Я заерзал на ветке. «Куло» в трусиках выглядело очень привлекательно. Особенно, когда блондинка наклонилась, чтобы натянуть такие же свободные, как блузка, штаны-шаровары. Но я-то теперь знал, что прячется под этим балахоном! Я знал, к чему стремиться!

Но на этом удача от меня отвернулась. Ветка подо мной закрипела, и я едва успел схватиться за гладкий ствол. В ходе скатывания по нему оказалось, что гладкий он только для рук, которым не за что ухватиться. А для паха там неровности нашлись. Мне с огромным трудом удалось сдержать вопли. И в процессе, и потом, когда я приземлился. Мох, покрывавший корни дерева отошел в сторону, обнажая что-то светлое. Я наклонился поближе, чтобы обнаружить... использованный одноразовый шприц.

²² В конце 70-х Колумбия, Бразилия, Эквадор, Индонезия, Кения, Уганда, Конго и Заир подписали соглашение о распространении суверенитета на часть космического пространства, находящуюся над их территориями. Это даже записано в конституции Колумбии. Однако ни ООН, ни «космические» державы на это соглашение внимания не обращают.

²³ Манго – азиатский фрукт. Но благодаря культивированию в Южной Америке и активному участию птиц и обезьян, деревья манго можно встретить и в сельве.

Глава 12. Келли

Первым делом я осмотрелась. Мужчины могут вернуться в любой момент. И всё, что я не успею припрятать, придется отдавать. Конечно, главное мое оружие – остро отточенный интеллект, спрятанный в ножнах образа трепетной лани. Но нож был бы полезным к нему дополнением. Пассажиров проверяют на наличие оружия, запрещая к проносу в салон режущие-колющих предметов. А летный состав? Тем более, частных самолетов. Вдруг нештатная ситуация на борту? Неужели пилот не подстраховался на такой случай? Огнестрел в Колумбии запрещен²⁴, но нож, нож!.. Пилот, мужик ты или не мужик? Был.

Воспользовавшись отсутствием свидетелей, я проверила карманы трупа. Кто-то может сказать, что отсутствие страха перед мертвыми выбивается из моего образа. Но я же его никому не демонстрирую! А что до моего отношения к мертвецам, так если бы вы с моё повидали костей из захоронений, вы бы тоже к ним относились как к объектам для каталогизации.

Признаться, ничего любопытного в карманах я не нашла. Носовой платок, портмоне с документами и купюрами и календарик с парнем в спортивной форме, колумбийским флагом и подписью «Хамес Родригес»²⁵. С обратной стороны на нем разноцветными кружочками были отмечены даты, как уже прошедшие, так и на будущее, которого у пилота не оказалось. В одном из карманов брюк лежала связка ключей. Негусто. Я рассовала всё по местам и вновь накрыла мужчину парусиной.

Как причудливо иногда поворачивается к нам судьба. Я летела на похороны отца и сама чуть не погибла при этом. Джунгли и приключения отнимали у меня внимание и любовь папы, а сегодня они отобрали меня у него. Такой вот кармический бумеранг. Рамона уже оборвала телефон, но здесь, без связи, я могу об этом лишь догадываться. Получив через справочную службу информацию о том, что рейс не прилетел, она подождет еще час и начнет похороны без меня. Прости, па. Мне очень жаль. Но, думаю, ты бы согласился: самое главное для меня сейчас – выжить.

Следующим в очереди на осмотр шло пилотское кресло. У носа самолета, который упирался в ствол дерева, для удобства перемещения привязали веревку с узлами. Конечно, при мужчинах я поднималась со слезами, стонами и из последних сил. Но сейчас зрителей не было. Я быстро, по-обезьяньи, забралась на фюзеляж, и через лобовое стекло – внутрь. Упаковки воды нашлись под креслом второго пилота. Я извернулась и ощупала пол под ним еще раз. Пусто. Не считая монетки в двести песо.

Таким же образом я обшарила пространство под креслом погибшего пилота. Ничего. Однако рука зацепилась за неровность сверху. Оу! К сидению была приклеена пачка сигарет, которые выглядели не совсем аутентично и не содержали фильтра. Нашему славному Тавиньо о них лучше не знать. В идеале, спалить их к чертям в костре. Но тогда захорошеть может всем, и непонятно, чем дело кончится. Я приклеила пачку обратно. А с правой стороны – ура-ура-ура! – обнаружился нож. Складной, с выкидным лезвием. Ты был мужиком, пилот! Я не зря верила в тебя!

Теперь, когда главное было найдено, я уже более спокойно приступила к осмотру остальной части самолета. В аптечке обнаружили лишь самые примитивные препараты, не было

²⁴ С 2015 года в Колумбии запрещено ношение оружия. Получить разрешение на официальный «ствол» очень сложно. Позиция правительства: «Монополия на оружие должна быть в руках государства». Но по факту легального огнестрела в Колумбии чуть больше 700 тысяч единиц, а нелегального – почти пять миллионов. Уровень убийств в стране – 25 человек на сто тысяч населения (это 12,5 тыс.) в год. Для сравнения: в России – 5,2 на сто тысяч, а в Великобритании – один на сто тысяч.

²⁵ Хамес Родригес – один из лучших бомбардиров сборной Колумбии, ее экс-капитан, легионер «Реал Мадрид». В Колумбии совершенно фанатичное отношение к футболу. Как к самой игре, в которую играют и мальчишки, и взрослые мужчины, так и к «болению». Пример убийства Андреса Эскобара очень показателен.

даже антибиотиков. Однако средства от высокой температуры, аллергии и бинты могут оказаться очень кстати. Упаковка антирвотного была вскрыта, но пилоту оно не помогло. В салоне больше ничего интересного не оказалось, и я забралась в багажное отделение. Оно было не очень большим. Среди грузов обнаружили несколько коробок с осколками посуды. Но, как ни странно, кружки, упакованные в индивидуальные коробочки, плотно уложенные в общем ящике, частично выжили. Ура-ура! Отдельно лежали баулы, забитые разного рода луковицами и корневищами в яркой упаковке²⁶. Возможно, якобы-биолог найдет среди них что-то съедобное, но я бы употреблять их в пищу не рискнула, чтобы не отправиться вслед за пилотом. Было несколько мешков с кофе, и это было бы прекрасно, если бы у нас было, чем его смолоть. Впрочем, пара подходящих камней, грубая мужская сила, которой у нас девать некуда, – и мы с бодрящим напитком. Так что эта находка была отнесена к разряду небесполезных. Были еще какие-то железки, но даже если бы мужчины смогли собрать из них компьютер, подключить его всё равно было бы не к чему. Вот и все находки. Я смотрела на багажное «богатство» и думала: на что вообще живет владелец этой авиакомпании? Неужели вот это барахло окупает перелет в Венесуэлу и обратно? Уж пассажиры-то точно прибыли не приносят. Ладно, вопросы рентабельности авиатранспорта меня как честную блондинку интересовать не должны. Я девочка, я не хочу ничего решать. Я хочу платье.

Кстати, о платье. Надо бы переодеться, пока двукрылые твари не наградили меня какой-нибудь тропической гадостью. Я аккуратно распаковала свой чемодан (пленка еще может пригодиться) и задумалась, во что бы переодеться. Моим любимым стилем был бохо. Сложно представить что-то менее posh, чем он. Наверное, этим и определялся мой выбор дизайнерского направления. У меня были цветастые хлопковые шаровары, которые защищали ноги от укусов, и легкая кофточка с рукавами в две трети. По кустам в такой одежде не полазишь, но, к счастью, в джунглях кустам не место. Вытащила осенние ботиночки, в которых еще недавно ходила по Парижу. Может, и жарковато. Но от потных ног еще никто не умер. В отличие от ядовитых укусов. Я как раз наклонилась, чтобы зашнуровать обувь, когда неподалеку послышался оглушительный «бабах».

Я выглянула из дверцы. Ничего подозрительного не обнаружила. Но вскоре среди деревьев появился Брайан. Его шикарные плечи радовали глаз размахом и ровным загаром. Рельеф груди обтягивала лишь маечка без рукавов. Мускулатура на руках тоже вызывала слюноотделение. Оймама во всеоружии. В правой руке он тащил за хвосты двух попугаев. Левое плечо прорезал широкий ремень ружья. На груди болтался бинокль. Через плечо, как сумка, висела завязанная за рукава (за спиной) и полочки (спереди) рубашка в оранжевых пятнах. Если бы Уэйда сейчас увидел его портной, у него случился бы инфаркт. А британец шел с таким видом, будто представлял на подиуме новую коллекцию от кутюр.

– Кушать подано! – он вытянул в руке дичь.

– Э-э-э. А от перьев их как-нибудь можно избавиться? Удалось разжечь костер? – опомнилась я. Кажется, я и так непозволительно долго на него пялилась.

– Да, всё нормально, – кивнул он, поморщившись, и расставил ноги пошире.

– Кого-нибудь слышали?

Он снова кивнул.

– Птиц, – добавил британец, хитро поглядывая из-под сумко-рубашки, которую снимал через голову. – Хочешь манго?

– Ух ты! – восхитилась я. – Да мы живем!

– Мы живем с того момента, когда не разбились, – возразил парень и протянул ко мне руки, молчаливо предлагая помощь в спуске.

²⁶ Колумбия находится на втором месте в мире по экспорту цветов. На Нидерланды приходится 52 % всего рынка. А на Колумбию – почти треть остального объема.

Ага. А потом обнимашечки с горячей грудью и обжигающее дыхание мне в затылок. Нетушки. Я изобразила испуг от высоты и полезла более безопасным путем через лобовое. Когда подошла, он протянул мне сочный фрукт. Я плеснула на него из бутылочки – на полноценное мытье драгоценную воду тратить было расточительно, и надкусила.

– М-м-м! – промычала я в восторге. – Самый вкусный манго, который я когда-либо пробовала.

Шкурка была терпкой, но я слишком проголодалась, чтобы обращать внимание на такие мелочи. Уэйд лучился самодовольством. Ну заслужил.

– Могу ли я надеяться на награду? – он изобразил котика из Шрека.

– Можешь, – щедро разрешила я.

Он вытянул губы трубочкой, демонстрируя, на какую именно награду намекал.

– Так ты разделаешь птицу? – пришлось повторить мне.

– А как же награда?

– Я же сказала: ты можешь на нее надеяться.

Глава 13. Брайан

О, как она это сказала: «Ты можешь на это надеяться!» Прямо Королева Цыганской Кибитки! Признаться, я даже залюбовался этим вздернутым носиком. Интересно, как она запоет, когда узнает, кто я на самом деле. И запоет, и крылышками замашет. Но я буду непреклонен. Нет-нет-нет. Хотя... «Ты можешь на это надеяться...»

Всё же девочка премиленькая. Даже в этом клоунском наряде с монистами до пупа. И выбившиеся из сложной косы белобрысы локоны почему-то не выглядели неопрятно. Обычно я не обращаю внимания на таких, лишенных лоска высшего общества. Но раз уж судьба подсутилась, нужно дать девочке шанс. Кх-м! «Ты можешь на это надеяться!»

Я помотал головой, наклоняя лицо к земле, чтобы не было видно смеха в глазах.

И уперся взглядом в ботинки. Замшевые ботиночки на рифленной платформе, высотой до голени, украшенные этническим орнаментом, перьями, под стать попугайским, бусинками и «монетками». Смежил веки и снова открыл глаза. Нет, не галлюцинация. Я поднял взгляд наверх.

– В Париже осень, представь! – понимающе кивнула блондинка на свою обувь.

Да, эта обувь не была предназначена для прогулок по сельве. В ней только голубей на Елисейских полях гонять. Но в сложившихся обстоятельствах это самая безопасная для девчонки обувь. Только откуда, – скажи, Господи, откуда? – легкомысленной парижанке знать, во что нужно обуваться в джунглях?! И чем она занималась, пока нас не было? Почему стала переодеваться только сейчас, когда я подошел?

Черная паранойя выпустила когти.

И этот шприц...

Может, конечно, кто-то всего лишь ширнул герычем, чтобы снять стресс. Но никто, даже ударенный на голову колумбиец, не демонстрировал признаков серьезного наркотического опьянения. Выходит, с помощью этого шприца и бутылки самой обычной воды убили нашего курьера? Тогда, получается, маньяк среди нас, и в любой момент мы можем сыграть в «десять негрят»²⁷?

Господь, а давай, ты всё переиграешь, и я останусь в Медельине, а?

Я внимательнее присмотрелся к блондинке. Зрачки нормальные, умеренно расширенные, с учетом освещения²⁸. Убийца – она? Вдруг после аварии француженка хотела забрать бутылку, чтобы уничтожить улики? И теперь она знает, что я знаю, и я теперь в смертельной опасности?

Против всякой логики, кровь с журчанием хлынула в пещеристые тела, как ливневый поток в пересохшее русло. Еще нужно разобраться, кто именно здесь маньяк. Зато теперь я мог быть уверен, что скоростной спуск с дерева не лишил меня мужской «привлекательности».

– Ау-у! – голос блондинки вернул меня к реальности. – А ты можешь одновременно «надеяться», – она ткнула носом в сторону припухшей, чтоб ей неладно было, ширинки, – и руками работать?...

– Если тебе так надо, ты можешь меня простимулировать.

– Я не в этом смысле... – растеряла пыл девчонка.

– И я не в этом. Но мне нравится ход твоих мыслей, – ощерился я в тридцать два зуба. – Как успехи в освоении самолетного пространства?

²⁷ Любопытный факт: в США в считалке из книги Агаты Кристи в целях политкорректности «негритята» были заменены на «индейцев». А когда градус толерантности поднялся еще выше – на «маленьких солдатиков». Сам роман издавался под названием: «И никого не стало». В Великобритании оригинальное название романа продержалось аж до 1985 года.

²⁸ Признаком героинового опьянения является суженный зрачок, который не реагирует на освещение.

Она стала перечислять находки. Упомянула сигареты под сидением, аптечку, обрадовала наличием какой-никакой посуды. Рассказала про обнаруженные растения.

– Говорят, среди орхидей есть съедобные. Может, посмотришь как биолог? – спросила Келли, и мне показалось, в ее голосе мелькнул сарказм.

– Не могу гарантировать, что содержание нитратов и ядохимикатов там не превышает норму, – злорадно возразил я. – А поскольку у нас есть фрукты и птица, мне кажется, рисковать здоровьем не стоит. Правда, я не представляю, как мы их, – я показал на попугаев, – сварим в одном маленьком котелке...

– Зачем варить? Мы их запечем, – предложила Келли, облизала по одному пальцы (дважды два – четыре, шестью семь – сорок два, семью восемь... черт! сколько будет семью восемь?) и полезла обратно в салон, где принялась целеустремленно свежевать небольшим ножом одно из кресел.

Хо-хо. Вооружена и очень опасна. Я взялся ощипывать попугаев, искоса поглядывая на француженку. Ладно, можно предположить, что у нее природный актерский дар, поскольку потрясение – и вообще все пляски вокруг пилота – были отыграны безукоризненно. Но как она рассчитывала спастись? Или не рассчитывала? Вроде, суицидальных симптомов у нее не наблюдается... Шантаж?...

В каком порядке мы заходили в самолет? Я тогда раздувал сопли, как старый индюк, и больше ни на кого не обращал внимания. Поднялся на борт последним. После меня был только пилот, который запирает багажное отделение.

Кто же был первым?

Девчонка уложила кусок кожама и котелок на «порог», спустилась привычным путем, подошла ко мне и подобрала с земли пару длинных, ярких перьев. Она покрутила их в пальцах и с победным видом воткнула за ухо.

– Ну, как? – полюбопытствовала блондинка с таким видом, будто я был ее любимой подружкой. Или отражением в зеркале.

– Чем провинилось несчастное сидение? – всё-таки не удержался я, показав на «улики».

– Возле костра же на чем-то нужно сидеть...

– Мы туда притащили пару подходящих стволов.

Могу предложить свой.

Тьфу! Какая пошлость лезет в голову!

– Мало ли кто в этих стволах водится, – буркнула блондинка. В сочетании с моими фантазиями – весьма двусмысленно. – У тебя соль есть? – виртуозно перевела она тему и пошла за своими богатствами.

Я помотал головой. Соль с собой я не брал. Я же не собирался в лес ближайшие пару суток. Подошел к борту и протянул ей то, за чем она безуспешно подпрыгивала.

...Что верно, то верно. В джунглях на задницу любую гадость можно подцепить, если не там прислонишься...

Но откуда это знает она?

Чувство «что это было?» не отпускало меня и у костра, где, примостив попу на подстилку, француженка принялась заворачивать куски птицы в большие листья, сорванные по дороге. Да, именно ими пользовались мои коллеги-колумбийцы на охоте. Но откуда о них узнала, мать ее, парижанка, которая работает в индустрии моды? Подглядела в Энциклопедии Юных Сурков?²⁹ Девчонка умело обмазала получившиеся сверточки землей и закопала их под нагоревшие угли.

Смерть от голода нам, похоже, не грозит. Это радует.

А какая-то грозит?

²⁹ Любимая книга Билли Дакка из «Утиных историй», где он находил решения на все случаи жизни.

Глава 14. Келли

Мы все надеялись на чудо. Но чуда не произошло.

Никто нас не искал. А если искал, то не здесь.

Наверное, в небесной канцелярии решили, что благополучного приземления с нас хватит. Да и в правду, что жадничать? У нас есть два ножа, одно охотничье ружье, котелок, зажигалка, вода, компас и даже карта. Три мужика с грубой силой, и я – со светлой головой. Мне кажется, «наверху» умыли руки, поскольку уже обеспечили нас всем необходимым для выживания. И если мы не справимся с таким стартовым набором, то нам не стоит передавать гены потомкам. Я считаю.

Пока я занималась едой, сильный пол обсуждал место погребения пилота. Время давно перевалило за полдень. Брайан спросил, не наткалась ли я в самолете на какое-нибудь подопбие лопаты. Я честно призналась, что нет. Наверное, никому в голову не приходило откапывать из песка или снега самолет. И толкать его потом по взлетной полосе всем летным экипажем. Но предложила воспользоваться осколками тарелок из багажа. Эндрю сказал, что нашел подходящий вывалень. Под ним корней было меньше. Меня лишили ножа, и мое сердце плакало кровавыми слезами, расставаясь с ним. Мы так недолго были вместе, но так успели полюбить друг друга... Брайан и Эндрю пообещали, что вернут его в целости и сохранности. А Отавиу предложил мне копать этой «тыкалкой» самой. Под давлением обстоятельств пришлось согласиться. В конце концов, англичанин и американец выглядели приличными людьми. И лучше отдать добровольно, чем провоцировать применение силы.

Мужчины вернулись почти через час, злые и грязные, и набросились на еду. Я выдержала попугаев до черной корочки, но зато была уверена, что не обогащу внутреннюю фауну новыми видами. Без соли, конечно, еда – не еда, но лучше, чем ничего. Эндрю восторгался моими кулинарными талантами, срезая пилотским ножиком обугленный слой с попугайского бедра. Отавиу беззастенчиво на меня пялился и ел с таким видом, будто был ягуаром, а подгорелая грудка – молодым оленем. Брайан поглядывал в мою сторону настороженно.

– А мы точно не отравимся от этих листьев? – спросил он, брезгливо сбивая прутиком и брендовым охотничьим ножом с куска дичи запекшуюся землю, исполнявшую роль «горшочка».

– Судя по тому, что Тавиньо принялся за третий кусок и еще жив, не должны, – поделилась я наблюдениями.

Колумбиец поперхнулся и закашлялся.

– Вы что, меня в качестве подопытной крысы держите? – возмутился он.

– Разве ты похож на крысу? – «поразила» я. – Ты целый кабан!

Отавиу завис, видимо, пытаясь понять, есть ли что-то обидное в моих словах. И на всякий случай рассмеялся.

Британец тоже хохотнул, то ли шутке, то ли над колумбийцем. Физически ощущалось, как ему тяжело, бедному, без салфетки и рядов вилок-ложек по обе стороны от тарелки. Не было даже тарелки. Поэтому священнодействовал Уэйд на таком же листе, только свежем. Стряхнув отходы обратно в костер, он нарезал попугая тонкими ломтиками и ел, используя заточенную палочку как вилку, вприкуску с наструганным умеренно спелым манго. Ни дать ни взять – аристократ на званом обеде.

– Мне кажется, несколько жестковато получилось, – прокомментировал он с видом профессионального дегустатора. – И суховато.

– В следующий раз постарайся подстрелить попугая помоложе, – возмутилась я.

Я, между прочим, не шеф-поваром работаю.

– Брайан, мне кажется, ты слишком привередлив к нашей милой хозяйке, – вступился деликатный американец.

– К хозяйке у меня никаких претензий нет, – возразил британец, на этот раз бросив на меня плотоядный взгляд. Видимо, я представлялась Уэйд достаточно мягкой и сочной.

Оставшаяся трапеза прошла спокойно, без международных скандалов.

Потом я всё же попала на похороны, хотя и не на те, ради которых летела. Британец, присвоивший себе функции лидера, обшарил карманы уже начавшего подвигивать пилота. Только всё, что он достал, в отличие от меня, сложил в отдельный пакетик.

– Нужно будет передать родным, – прокомментировал Брайан, и я восхитилась его оптимизмом.

Затем труп снова завернули в парусину. Могила вышла неглубокой, но всё же лучше, чем ничего. Эндрю прочел молитву. Я отметила, что возвращались мы по отметинам на деревьях, сделанным британцем с помощью ножа. Всё же предусмотрительный парень. Насыпал крошек, чтобы не заблудиться. Возможно, голова есть не только у меня. С двумя-то головами мы тем более должны выбраться.

К пяти часам стало заметно темнее. Солнце еще не село за горизонт, но в сельве горизонт начинается за ближайшим деревом. Начались приготовления к ночлегу. Американец в очередной раз продемонстрировал полную непригодность к автономному выживанию, предложив спать у костра, поскольку тут москитов меньше.

– У вас есть спальник и туристический коврик? – удивилась я.

– Зачем? Здесь же тепло, – ответил наивный он.

– Очень, – согласился британец, снимая палочкой со штанины Отавиу пиявку³⁰, повертел ее перед носом побледневшего Додсона и бросил в костер.

Американец задумался.

– Но в самолете будет душно, – сообщил он. – К тому же кто-то должен поддерживать огонь.

– Ночью будет ливень, – уведомила я. Слабость напознала на меня, как всегда, когда резко падало давление.

Брайан скептически посмотрел на чистое небо.

– Я бы посоветовала отнести немного сухих дров в самолет. Чтобы было, что разжигать утром. И выставить емкости под воду. Но вы можете мне не верить, – обиделась я.

Я что? Я ничего. Хотят – пусть спят на воздухе и укрывают костер зонтиком. Если есть желание. А я лучше попарюсь под сухой крышей, пока есть возможность. Я намеревалась встать и уйти, но джунгли огласил страшный рев.

³⁰ Сухопутных пиявок больше в Юго-Восточной Азии. Они шустро передвигаются по земле, как гусеницы-землемеры. Зато в Амазонии пиявки берут размерами. Амазонская клепсина может достигать 45 см в длину. Несколько таких пиявок могут убить корову.

Глава 15. Брайан

– Это кто? – тихо спросил Эндрю.

Всё же американец был самым непосредственным из нашей вынужденной компании.

– Тигр, – пояснил Отавиу. – Недавно наше правительство решило провести эксперимент и выпустило в джунгли несколько индийских тигров.

Колумбиец был предельно убедителен, как всегда, когда местные занимались вторым, после футбола, любимым развлечением. Оно называлось «Разведи лоха».

– А как же... экология. Местные виды?... – потрясенно спросил Додсон, клянуv на «развод».

И ведь в нем даже смысла не было. «Тавиньо» врал не из злого умысла, а из чистой любви к искусству.

– Да, – озабоченно согласился он. – Все переживают.

Келли переводила взгляд с одного нашего спутника на другого, впитывая каждое слово. А потом посмотрела на меня. Вот. Вот! Вокруг столько опасностей! Кто сможет защитить тебя от них? Кто сделает «пиф-паф» индийскому тигру?

– Это ревун³¹, – посмеиваясь, влез я.

Благо, эту тварь я уже слышал. Хотя в первый раз мордатая «иерихонская труба» высотой метр с кепкой производит впечатление. Помню, тоже... присел слегка.

– У них всё, как у людей: чем мельче тестикулы, тем громче рев, – поделился я информацией.

– А-а-а, – сказала блондинка. – Ну, тогда я пойду.

– Так рано же еще, – подорвался Эндрю.

Парень, сиди смирно. Ревунов слушай.

– У меня сегодня был тяжелый день, – пояснила Келли, а потом усмехнулась. – Впрочем, не только у меня. Да и встать нужно бы пораньше. Спокойной ночи!

Три пары мужских глаз следили за ней, пока блондинка не скрылась в сумраке.

– Мужики, я, чур, первый, – заерзал Отавиу.

– Ты это о чем? – не понял я сразу. Потом дошло, и мне стоило большого труда не врезать колумбийцу в то, что у людей называется лицом.

– А ты думал, один будешь блондинку пялить? – набычился он, вставая.

– Я думал, что она – девочка взрослая и сама определит, кто ее будет «пялить», – с предупреждением ответил я.

– Да ее на всех хватит! – решил за девчонку колумбиец. – Не хочешь по очереди – давайте все сразу. Она же француженка. Они все об этом только и мечтают!

– Ты это из порнофильмов выяснил? – и волна ярости, застилая глаза, подняла меня.

– Давайте спокойно, – подскочил американец, вытягивая руки вперед. – Мне кажется, в этой непростой ситуации нам нужно остаться мужчинами и взять себя в руки.

– Сам себя в руки бери, козел! А я хочу ходёр пута!

Скажу честно, до потасовки оставалось ровно три удара сердца, но со стороны веревки к самолету раздался треск ветки. И охладил всех лучше ведра ледяной воды. Американец и колумбиец стали похожи на подростков, пойманных директором школы за курением на заднем дворе. Хотелось бы надеяться, что сам я выгляжу лучше.

Но я – реалист.

Через бесконечную минуту в свете костра появилась Келли.

³¹ Рев ревуна слышно за 3 км. На самом деле обычно они режут утром (утренняя коллективная распевка стада) и после обеда (преимущественно сольные выступления доминантных самцов).

– А я вдруг подумала, что нужно бы подкрепиться перед сном, – улыбнулась блондинка. – А что у вас тут происходит? Я слышала какие-то крики...

Фух! Может, и не слышала ничего.

– Не поделили последний кусок попугая, – нашелся американец, пока все рассаживались с независимым видом.

– А-а...

Девчонка взяла с пожухших листов, служивших нам посудой, манго, и, подумав, протянула его с невинной улыбкой колумбийцу. Тот весь расцвел, как сакура по весне.

– Ты, главное, осторожнее кушай, – очень мягко сказала девушка. – А то знаешь, кто самый страшный в сельве?

Она сделала «запугаю_до_смерти» глаза.

– Ревун? – хохотнул Отавиу, вгрызаясь в плод и вытирая тыльной стороной кисти сок с подбородка.

– Нет, я читала в Интернете, что в тропических лесах нет никого страшнее муравьев. Еду чуют за десятки метров. Я читала, что здесь есть такие муравьи... Кусают очень больно. В некоторых индейских племенах есть обычай: чтобы мальчик считался мужчиной, ему на руку кладут таких муравьев. Они кусают, и рука чернеет, – произнесла она траурным тоном, глядя колумбийцу туда, где сходились его разведенные ноги, – и на несколько дней парализуется³², – подняла французенка взгляд к его лицу. – Так что будь аккуратнее.

– Странные у тебя фантазии. – Футболист свел колени.

– Мой отец был скуп на похвалу, – призналась Келли. – Но говорил, что фантазия у меня просто убойная, – выпустила она контрольную улыбку колумбийцу в голову, подхватила своё манго и грациозно упылила в темноту.

Над костром повисло молчание. В небе, одна за другой, появлялись звезды. С чего девчонка взяла, что будет дождь?

– Бруха, – процедил сквозь зубы Тавиньо, глядя туда, где среди теней растворилась тонкая фигурка.

«Ведьма».

Очень даже может быть. Мысль об убойной фантазии снова подействовала на меня... неправильно. Темнота, джунгли, открытый огонь, небо, звезды, ощущение опасности... и эта девчонка – всё вместе действовали на меня совершенно диким образом, обостряя каждый нерв. Заставляя чувствовать мир, как никогда ранее. В моей привычной жизни у меня было всё. Кроме этого чувства... всемогущества на грани помешательства. Прости, Господи, но мне казалось, будто это я стою в центре мира и заставляю солнце двигаться по кругу. Даже дышалось теперь по-другому.

И мне не было скучно.

Мы еще какое-то время посидели у костра. Сначала молча. Потом Эндрю вспомнил, что я говорил о карте. Карта для GPS-навигации у меня действительно была. И хотя спутники по-прежнему не ловились, можно было попробовать сориентироваться. Потом мы втроем до хрипоты спорили, сколько же мы летели и куда же нас занесло.

А потом пошел дождь.

Первая тяжелая капля упала на экран смартфона. Следом по листьям деревьев застучали другие. Подхватив в подмышки подсохшие у огня ветки, мы, хохоча и улюлюкая, ломанулись к самолету. Как мальчишки, честное слово. Дрова закинули в багажное отделение. Я и Отавиу подтянулись в салон и помогли забраться американцу. Я захлопнул дверцу, и ливень обру-

³² Муравьи-пули *Paraponera clavata* действительно живут в Колумбии и очень больно кусаются. Боль после укуса сохраняется 24 часа и по шкале ужаления имеет максимальных балл, выше, чем у пчелы или осы. Фруктами они не интересуются. Но ведь для мести неважно, пришли они сами на запах или их принесли в баночке, правда?:)

шился на корпус самолета со всей своей тропической страстью. Посветив внутри фонариком телефона, мы обнаружили Келли, которая спала, свернувшись калачиком на своем разложенном кресле. А может, не спала, учитывая тот гомон, которым сопровождалось наше возвращение. А только делала вид.

Но никто не стал проверять.

Под барабанный бой капель мы разбрелись по креслам. По меркам цивилизации время было еще детское. Можно было бы залезть в Интернет или пойти в клуб, чтобы подцепить жаркую красотку. Но здесь, в зеленом море сельвы, действовали другие законы. Я немного поворочался и устроился на боку, глядя на блондинку. Ее губы были беззащитно приоткрыты во сне. Словно укрываясь от моего взгляда, она повернулась ко мне попой и нежными ступнями с маленькими пальчиками. Никогда не относился к фут-фетишистам, но сейчас мне захотелось перецеловать каждый из них.

Это всё джунгли. И афродизиаки. И первобытные инстинкты.

И ведьма Келли.

Первый сон Келли

Я думала, что долго не усну. Адреналин после подслушанного разговора бурлил в крови так, что пузырьки щипали в носу. Мне казалось, я была готова к такому. Трое молодых, здоровых самцов с полным боекомплектom тестостерона – разумно ожидать, что они захотят воспользоваться единственной доступной женщиной, чтобы разрядиться. Но слушать, как тебя делают, словно подстилку, оказалось невыносимо. Мне стоило огромного труда не ткнуть Отавиу пылающей веткой в причинное место.

Фух!

Однако стоило прилечь на кресло, сжав в кулачке подаренную отцом тунхас³³, как сон стал засасывать меня, словно трясина. Знакомое предчувствие наползало зловещей анакондой, гипнотизируя немигающим взглядом.

Чьим взглядом?...

Я пыталась сопротивляться, но даже шум вернувшихся мужчин не помог мне вынырнуть на поверхность. Я тонула, погружаясь всё глубже и глубже. Сон, словно вода у дна озера, заполнял легкие, и в какой-то момент я осознала бессмысленность борьбы. Нужно расслабиться. Завтра, с первыми лучами солнца, я вернусь в реальный мир. А пока...

А пока нужно подчиниться неизбежному. Быть покорной судьбе...

– ...Научи меня быть покорной судьбе, Милостивая Бачи́е³⁴, – говорила юная индианка, обращаясь к тунхас матери-прородительницы. – Подари отцу победы в боях, мамам, братьям и сестрам – здоровье, правителю сипе – долгую жизнь и процветание. Пусть Суачиас³⁵ обойдут наше селение стороной. И пусть мне позволят сегодня сходить на праздник, – смущенной скороговоркой добавила она. – Пожалуйста, – попросила она тихо-тихо. – А я отнесу тебе в храм самого красивого щенка из последнего приплода.

³³ Тунха (тунхос, тунхас) – вид ритуальных ювелирных изделий муисков. Представлял собой плоскую фигурку с тонкой прорисовкой деталей из проволоки. Тунхи несли специфические признаки, по которым можно было распознать род занятий. Ученые до настоящего времени не могут определить технику «приклеивания» проволоки к основе.

³⁴ Бачуе – прородительница всех людей в мифологии муисков. Она вышла из озера, ведя за руку трехлетнего сына. Когда он вошел в брачный возраст, она родила от него много-много детей (каждый раз рождая четверню), а потом превратилась в водную змею и вернулась в озеро.

³⁵ Суачиас – дети бога солнца Суа и богини луны Чиа. Полные отморозки, в общем-то. Когда на земле муисков появились конкистадоры, аборигены приняли их за Суачиас, и сбрасывали им жертвы в виде младенцев.

Со стороны храма Бочи́ка³⁶ слышался звон гонга. Громкий лай был ответом. Скоро всё начнется. Завершив молитву, девушка выбежала из женского дома. Прямо перед ее носом прожужжала стремительная, как стрекоза, сине-зеленая колибри. Апони решила, что это добрый знак.

Апони – «Легкокрылая» – было ее прозвищем. Имя, которое ей дал отец, – Кууонья-ума, «Раскрывающая красивые крылья». Он назвал дочь в честь бабочек, в которых превращались души умерших. На коричневатых снизу крыльях у нее упирались семь пар глаз, которыми предки следили за живыми. И когда они хотели дать знак, крылья вспыхивали на солнце голубым, переливчатым огнем³⁷. Апони сама была, как бабочка – веселая и беззаботная, с яркими перьями, вплетенными в длинные черные косы, и красной лентой на лбу. Сегодня она надела белый наряд до колен из самой нежной ткани. Полотнище было скреплено брошами по бокам и подвязано красным, в цвет ленты, поясом. В честь праздника серьги были самые богатые, те, которые отец привез в подарок из последнего похода.

Апони была чудо, какая красавица. Отец не уставал повторять это. А ее умелые пальчики пряли самые тонкие нитки, из которых ткалось нежнейшая ткань. Скоро она вступит в брачный возраст, и род отдаст ее достойному мужчине. Отец позаботится о ней. Мамам повезло. Мичик и Сайа были родными сестрами. Отец взял в жены их обеих, и мамы во всем друг друга поддерживали. Сестренки Апони были еще маленькими. Но, да поможет ей Бачуе, у нее получится подружиться с другими женами. С одной стороны, хотелось бы, чтобы ее отдали первой женой. Тогда никто бы не посмел ее обидеть. С другой – отец теперь почти не проводил ночи с мамами, предпочитая молоденькую Хучуй, которая была всего на три года старше самой Апони. А мамы всё больше работали на полях и ткали плащи, которыми отец оплачивал выкуп за последнюю жену. Но они не жаловались. Женский дом большой, всем хватает места. У папы много земли, которая дает хорошие урожаи. Ему даже разрешается охотиться на оленей³⁸. Дома всегда есть пища. Отец после походов балует всех подарками. О чем жаловаться? В любом случае, женщина должна быть покорна своей судьбе.

Девушка надеялась выскользнуть из дома незаметно, но во дворе столкнулась с отцом. Он казался Апони огромным и страшным. Широкие плечи, изрезанные шрамами. Мощные, как у ягуара, мускулы. Грудь прикрыта золотыми щитками. Уши и щеки проколоты бесконечными золотыми трубочками по количеству убитых в бою врагов. Апони встала как вкопанная и опустила взгляд. Не должно юной девушке смотреть в глаза мужчине.

– Ты куда собралась? – строгий вопрос отца поймал ее врасплох, как силки – птицу.

– С-сегодня будут закладывать новый Дом, – выдавила она, теребя браслет из золотых священных животных. – Пожалуйста, отец. Можно, я тоже пойду посмотреть? – она бросила на родителя короткий взгляд.

Отец рассмеялся низким, грудным смехом.

– Лети, бабочка. Лети! – насмешливо произнес он.

– Спасибо, папа! – запрыгала от радости Апони, но тут же остановилась.

Отяжелевшие груди прыгали под покрывалом, норовя вывалиться наружу. Мамы говорили, что богиня Уитака³⁹, назло мужу Бочи́ке, наделяла женщин чувственным огнем,

³⁶ Бочи́ка – как и в целом в мифологии муисков, в отношении Бочи́ка полная неразбериха. По одним данным – это сын Бачуе. По другим – он пришел с востока, научил людей всему, а потом исчез. Некоторые исследователи отождествляют Бочи́ка с богом солнца Суа. Бочи́ка является покровителем правителей и знати.

³⁷ Речь идет о бабочке Синий Морфо. Верхние чешуйки их крыльев способны отражать солнечный свет, что придает крыльям металлический, переливчатый блеск. Индейцы действительно считали, что в них вселяются души умерших.

³⁸ Охотиться на крупных животных позволялось лишь самым знатным особам. Простые люди могли охотиться на грызунов и кроликов. Считается, что муисками были одомашнены только собаки. Но к моменту испанского завоевания в качестве домашних животных, по другим сведениям, стали держать птицу и морских свинок.

³⁹ Уитака – богиня плодородия, в том числе – женского здоровья. Является покровительницей чувственных утех и всяких безумий на этой почве. Ну, и заодно подбивает людей на всякие гадости, как то нарушение законов Бочи́ка.

чтобы лишить разума мужчин. Нельзя распалать им никого, кроме супруга. Девушка одернула полотнище наряда.

Но отец рассмеялся и шлепнул дочку по попе.

– Ступай! Но не залетай далеко, – «страшным» голосом, как когда-то в детстве, когда, под хорошее настроение, отец рассказывал детям сказки, продолжил он. – Злой ветер может сломать легкие крылышки...

О приезде умелых ювелиров, которых правитель саке привез из соседнего племени, говорили давно. Невозможно хотелось взглянуть, какие они. На окраине, где чужакам должны были заложить новый Дом, уже собралась толпа. Мужчины стояли отдельно от женщин. Апони подошла к группе нарядных девушек из богатых семей. Им полагалось молчать, хотя столько всего хотелось обсудить!

Поодаль, возле глубокой ямы, стояла пара: худощавый, высокий мужчина с косой и длинновязый юноша. Поразительная схожесть в чертах выдавала: отец и сын. Их бедра были прикрыты повязками. Остальные части тела были увешаны драгоценностями. Изящные наручи, широкие браслеты на плечах, ножные браслеты на лодыжках, нагрудные пластины, многослойные шейные ожерелья. В ушах мужчины были тяжелые серьги. Юноша еще не прошел Обряда Взросления, и уши у него еще были не проколоты.

Мужчина стоял, сложив руки на груди, и невозмутимо уставился перед собой, будто чужие жадные взгляды были ему безразличны. Парень тоже стоял неподвижно, но сам с любопытством осматривал своих будущих соседей. Его длинные волосы были стянуты сзади лентой. У него был высокий лоб, черные, как уголь, прямые брови и длинные густые ресницы, как у девушки. Крылья прямого носа трепетали от сдерживаемого волнения. Губы были плотно сжаты. Его взгляд скользил по лицам и телам, со знанием дела останавливаясь на украшениях. Апони так увлеклась его разглядыванием, что растерялась, когда незнакомец добрался до нее. Темные глаза, казалось, заглянули в самую душу. Девушка попробовала стыдливо отвести взгляд, но не смогла. Острый, открытый взор словно прищиплил ее, как бабочку к цинковке. Апони почувствовала, как краснеет. И юноша улыбнулся.

Второй удар гонга разорвал непонятную нить, что натянулась между ними.

Рокот голосов стих. Мужчины расступились, освобождая место процессии жрецов. Суровый старший жрец шел в тяжелом головном уборе из золота, опираясь на длинный посох с огромным изумрудом в наверху. К проколотой перегородке носа была подвешена чеканная золотая пластинка. Накидка была украшена переливчатыми перьями колибри⁴⁰. За ним шли четверо жрецов с крытыми носилками на плечах. Все двигались шаг в шаг, в ритме стука посоха о землю. Старший жрец стукнул дважды, и те, кто нес носилки, остановились, а он пошел вперед, обходя яму и кучу наваленной земли, приближаясь к новоселам. Дойдя, он вновь стукнул посохом дважды, и младшие жрецы опустили носилки наземь.

Старший жрец обратился к Чибчачуму⁴¹, покровителю землепашцев и ремесленников, и все упали на колени. Он негромко начал ритмичную песню, сопровождая ее стуком посоха. Четыре низких голоса вторили ему, заставляя душу дрожать от восторга. Золотые пластины делали голоса нереально звенящими. Пение становилось всё громче. К голосам добавился топот. Жрецы отбивали ритм ногами, раскачиваясь из стороны в сторону. Ощущение, что сердце бьется в одном ритме с земляками, и дыхание одно на всех, опьяняло.

На высокой ноте песня оборвалась, словно полет птицы, сбитой стрелой.

⁴⁰ Использовать в одежде перья колибри разрешалось только правителям и верхушке духовенства.

⁴¹ Чибчачум – бог грома и дождя, антагонист Бочика. Устроил потоп на земле муисков (и здесь потопталась легенда о Всемирном Потопе), за то, что люди нарушили законы Бочика. Но добрый Бочика появился верхом на радуге, рассек землю, устроив водопад, и всех спас. Чибчачум – покровитель простого народа и ремесленников.

Один из жрецов, самый молодой, распахнул покрывало на носилках, открывая обнаженную девушку. Апони узнала ее. Илли была тихой и милой девочкой из небогатой семьи, всего года на два ее моложе. У Дома чужаков будет добрый и чистый Дух-защитник.

Юный жрец поднял девушку на руки. Апони впервые видела его. Наверное, тот самый племянник старшего жреца, о котором переешепывались взрослые⁴². Если так, то он недавно прошел инициацию. И хотя нижняя часть его лица, как у всех жрецов, была спрятана за золотой пластиной, было видно, что он очень красив – какой-то нервной, нереальной, потусторонней красотой.

Илли бесстыдно выгнулась и негромко застонала, но не от боли, а от наслаждения. Она была одурманена священным напитком. Юноша нес ее на вытянутых руках. Совершенно непонятно, откуда в таком хрупком, на первый взгляд, парне столько силы. Он осторожно передал ношу старшему жрецу. Тот поднял девушку над головой и запел громко-громко, взывая к богам-покровителям. Юноша встал с другой стороны ямы, и жрец опустил девушку. Они держали ее на четырех руках, с двух сторон, ритмично бормоча слова молитв, и трое оставшихся у носилок мужчин вторили им. Жрецы с Илли опустились на колени и, наконец, девушка скатилась в яму, чтобы ее последний вздох стал Духом Дома. Синхронно взяв по горсти земли, жрецы поднялись и бросили в яму. Их примеру последовали будущие владельцы жилища. Каждый из зрителей подходил, брал в руки горсть земли и бросал.

Апони долго не решалась.

Ведь судьба Илли прекрасна. Что может быть возвышенней, чем стать Духом-защитником Дома? Только участь «солнечных мальчиков», которых приносят в жертву Суа по великим праздникам. Предки могут призвать любого когда угодно. И лучше умереть так, во имя великой цели, с уважением. Илли всё равно ничего не почувствует. Ее смерть будет сладкой, как дикий мед.

Женищина должна быть покорна своей судьбе.

Апони подошла к яме последней и взяла горсть земли. Тело Илли наполовину скрылось под темным слоем. Это прекрасная смерть, достойная чистой девушки. Апони разжала ладонь и застыла.

В себя ее привело ощущение тревоги.

Она повернула голову влево и встретилась взглядом с тем самым юным жрецом, который опускал Илли в яму. Его лицо было бесстрастно. Но в глазах пылал такой дикий, черный огонь, что ей стало страшно...

⁴² У муйсков высокие должности наследовал не сын, а племянник, старший сын старшей сестры. У жрецов и вариантов других не было. Жрецы проходили многолетнее посвящение, навсегда лишаясь земных удовольствий, вроде женской ласки, мясной пищи, приправ и даже соли. Пост, самоистязание и галлюциногены – вот и все радости жречества. Зато на полях работать не надо.

Глава 16. Келли

Обычно сон отпускал меня с первым лучом солнца. Но взгляд жреца настолько испугал, что я проснулась затемно. Или первый луч заблудился в сельве, как и мы, и никак не мог найти дорогу с неба. Я ворочалась, стараясь не шуметь, но кресло поскрипывало подо мной. В самолете этого скрипа не было слышно за клекотом винтов. Или он появился только после аварии. События сна никак не хотели отступать. Такова их особенность, я это хорошо знала. В отличие от снов обычных, которые забываются в первые минуты пробуждения, эти словно впечатывались с мозг огненным клеймом. Единственным известным мне способом от них избавиться были рисунки. Поэтому стоило за иллюминаторами посветлеть, я вытащила из-под сидения свою сумочку и прокралась мимо мужчин, храпящих в разных тональностях, к лобовому окну.

Я доверяла своему чутью, поэтому носовая часть самолета была заставлена кружками, пережившими локальный посудный апокалипсис. Дождевая вода перед употреблением нуждалась в кипячении, но она была. Поэтому я с легким сердцем вытащила бутылочку из «госрезерва», прихватила кусок кожзама под пятую точку и отправилась в район костра. На подвиги, вроде разжигания огня в очаге, я была не готова. Но там точно светлее. И есть, на чем посидеть, если постелить на мокрую древесину непромокаемую подстилку. Верный скетчбук и «встроенный» в его пружинку карандаш приходили на помощь, когда было важно не потерять мысль. Сейчас я хотела использовать их в противоположных целях: чтобы избавиться от навязчивых мыслей.

Рисование было для меня священнодействием. Я растворялась в нем, как акварель в стакане, не торопясь оседать на дно. За ним я забывала обо всем. Даже о голоде, который не преминул о себе напомнить, пока я боролась с видениями из сна и без толку пыталась устроиться на кресле поудобнее. Всё же кресла предназначены для того, чтобы на них сидеть, а не для того, чтобы лежать. В общем, стоило мне отрыть блокнот на чистой странице и провести первую, легкую линию контура будущей фигуры, как окружающий мир перестал для меня существовать. Наверное, поэтому я заметила Эндрю только после того, как он заговорил.

– Доброе утро! – приветливо обратился он ко мне, сваливая на землю сухие дрова, которые, видимо, мужчины всё же припрятали.

Он опустился на корточки и стал строгать ветки на щепу ножом Брайана. Затем сложил их шалашиком и вынул из кармана зажигалку Отавиу. Всех обобрал во имя великой цели.

– Не поделитесь кусочком бумаги? – спросил он, поднимая голову.

Ан нет, не всех.

Я решила пожертвовать эскизом нового браслета, который накидала, пока летела в Колумбию. Чистая бумага была на вес золота. Если сны пришли, от них так просто не избавишься, это я точно знала. Не на чем будет рисовать – свихнусь.

Я вырвала листок, смяла его в комок и передала американцу. Он развернул.

– Очень красиво, – сказал он. – Не жалко такое сжигать?

– Жалко. Но иначе вам придется разводить костер без бумаги.

Эндрю вздохнул, аккуратно вложил бумажный комок внутрь шалашика и поднес зажигалку. Огонек с тихим шуршанием занялся. Додсон скармливал пламени щепочку за щепочкой, пока оно не окрепло, вцепившись в бок крепкого сука. Нельзя сказать, что он совсем безрукий. Видимо, судьба просто не сводила его с тропическими лесами.

Вот и познакомила. Мордой об землю.

– Что вы рисуете? – поинтересовался американец, сидя у возродившегося костра.

– Да, так... Сельва навеивает мысли о древних цивилизациях, – расплывчато ответила я.

– Можно посмотреть? – он выпрямил ноги и стоял теперь наклонившись, упираясь в колени руками.

Я подумала. Потом еще подумала. На вчерашнем обсуждении моих сексуальных повинностей он доказал, что, может, и не самый сильный потенциальный партнер, но однозначно самый безопасный. Поэтому идея наладить с ним доверительные отношения казалась удачной. Хотя никогда нельзя заранее предугадать, как человек отреагирует на мое снотворчество. Я бы точно десять раз подумала, стоит ли доверять тому, кто рисует *такое*.

И подвинулась, приглашая его присесть.

Американец поблагодарил и аккуратно устроился на краешке подстилки, стараясь не касаться меня.

Я протянула ему блокнот, мысленно скрестив пальцы на удачу.

– Потрясающе, – похвалил Додсон. – У вас настоящий талант! А это – погребение? Она такая юная... Выглядит совсем как живая.

Он протянул скетчбук, открытый на странице, где была нарисована полузасыпанная Илли.

– Вообще-то она живая, – выдохнув, призналась я. – У муисков, индейцев, что жили здесь до вторжения испанцев, был такой обычай: в основание нового дома заживо закапывали юную девушку или девочку.

– Ужасно, – Эндрю помотал головой. – Варварские обычаи!

Как ни странно, возмущение было адресовано не моей мазне, а древним аборигенам. Можно сказать, начало доверительному разговору положено.

– Хорошо, что европейцы выкорчевали этот рассадник жестокости, – совершенно напрасно добавил он.

– Европейцы были совсем не лучше, – возразила я. – Вспомните костры инквизиции и публичные казни.

– Но это были преступники, – кажется, удивленно ответил американец.

Похоже, он не ожидал, что я встану на защиту индейцев. Сказал бы он такое при папе. Папа бы его закопал в землю, как жрецы – Илли.

– Не всегда, – помотала головой я. – Вспомним хоть ту же Орлеанскую Деву. И уж точно зрители, которые наслаждались чужими мучениями, считали себя добрыми христианами. Индейцы, во всяком случае, убивали без мучений. Жертва даже ничего не чувствовала.

– Это не отменяет тот факт, что они приносили человеческие жертвы своим богам, – американец был явно сбит с толку моим ослиным упрямством.

Но, увы, заткнуться я уже не могла. Кто-то словно проковырял дырку в бочке, и содержимое потекло из нее упругой струйкой. Я, как выяснилось, соскучилась по словесным баталиям. А Додсон со своей неуверенной безапелляционностью был просто создан для них.

– А Авраам был готов принести в жертву своего сына, – напомнила я.

– Это было испытание веры.

– Но Бог потребовал, и он был готов. Да все цивилизации через это проходят! – отмахнулась я. – Юношей и девушек приносили в жертву Минотавру. Андромеду бросили в пасть морскому чудовищу. Просто европейцы миновали эту стадию раньше и лицемерно делали вид, что те они, которыми они были раньше, совсем не они. Задержи Колумб свое открытие на пару столетий, он бы обнаружил в Америке уже других людей. Они бы и до единобожия к тому времени, возможно, додумались.

– Вы не верите в Бога? – потрясенно смотрел на меня американец.

– Ого. У нас тут богословские споры вместо завтрака? – раздался насмешливый голос британца.

Похоже, слух у меня отключается не только от рисования. Либо кто-то умеет бесшумно подкрасться. Ловкие руки выхватили скетчбук раньше, чем я успела отреагировать.

– Что тут у нас интересенького? – Брайан ткнул носом в рисунки.

Это было не по сценарию.

Прямо совсем.

Глава 17. Брайан

– Но Бог потребовал, и он был готов. Да все цивилизации через это проходят! – слышался от костра пылающий праведным гневом голос блондинки.

Я порадовался, что решил ее напугать и потому крался бесшумно. Ломился бы, как бизон сквозь прерии, услышал бы в итоге только «хлоп-хлоп» глазками. Блондинка уверенно укладывала Эндрю на лопатки, а тот только и делал, что испуганно поражался. Довели их там, в Штатах, голубые, негры и феминистки до выученной беспомощности. Впрочем, вчера она таким же образом размазала по земле колумбийской Отавиу. Между делом, как за хлебушком сходила. Было что-то в Келли такое, от чего я и сам бы был не прочь дать девчонке разложить себя. И усадить ее сверху...

Гореть бы ей в средние века на тех самых инквизиторских кострах.

– Ого. У нас тут богословские споры вместо завтрака? – я выдернул из рук Келли блокнотик, где она бездумно что-то малевала карандашиком.

Вообще-то я хотел свести ситуацию в шутку. Ну, поржать над ее художествами, опустить на землю, чтобы не слишком заносилась.

Но один лишь же беглый взгляд на рисунки реализовал моё желание. В смысле, Келли меня разложила. На атомы.

На изображении легкими штрихами было набросано лицо девушки-индианки. Ее волосы были собраны в косы, лоб перетягивала лента. Огромные глаза с длинными ресницами были наивно раскрыты миру. Как и нежные губки. От портрета несло такой мощной эротикой невинности, что я поскорее перевернул страницы к самой первой. И наткнулся на ту же девчонку, только в полный рост. Короткая юбочка едва доходила до аккуратных колен. Ветерок играл полотнищами, приоткрывая округлое бедро почти по самое «не балуйся». Тонкая ткань не столько скрывала, сколько обрисовывала рельефы. Округлые груди торчали вперед, и тонкие соски оттопыривали материал косынки, верхней части одежды, двумя острыми пиками. Широкие браслеты на плечах и ожерелье на шее навевали фантазии о модных нынче БДСМ-ных тенденциях. И то же выражение сексуальной невинности и покорности в глазах. По местным меркам, возраста согласия она уже однозначно достигла⁴³, но я бы не рискнул на нее засматриваться, дабы не прослыть педофилом. Однако темными, одинокими вечерами мысли о ней приносили бы изюминку в мой гигиенический душ. И, не дай бог, приснилась она ночью, по утру пришлось бы менять оскверненное белье.

С трудом оторвавшись от рисунка девушки, я перевернул страницу. На второй был изображен юноша. Поразительно, как французенке удавалось передавать внутренний мир персонажей. Я видел перед собой немного смущенного парня, который уверенно шел к своему мужанию. Его взгляд бросал вызов. Я осознавал, что наваял бы такому по шее одной левой. Ногой. Но точно знал, что он пришел бы снова и снова, пока не добился бы того, к чему стремился. И не хотел бы я встретиться с ним, когда он станет мужчиной.

На следующем листке тоже был молодой индеец. Только весь пирсингованный, включая нос, в котором болталась прямоугольная пластинка, скрывавшая рот. Если в первом пареньке угадывалось обычное упорство потенциального лидера, то этот точно был психом. Серийным маньяком. Именно такими они мне всегда и представлялись. Со стеклянными глазами и бензопилою в руках. Нет, у этого бензопилы не было, но чувствовалось, что техасская резня ему по плечу. Даже по колено. Переплюнет и пойдет дальше.

⁴³ Возраст сексуального согласия в Колумбии, как в большинстве латиноамериканских стран, составляет 14 лет. В Великобритании – 16.

Я перевернул страницу. Здесь закапывали обнаженную девочку. И, хоть убей меня, – я не знаю, с чего это взял, – но я был уверен, что она живая.

Я перевел взгляд на блондинку. Келли застыла изваянием, тревожно следя за моим лицом.

Бутылка. Шприц. Рассуждения о муравьях-убийцах. Теперь такие рисунки.

Боже, за что ты так со мной? Да, я не безгрешен. Но за что ты бросил меня в джунглях среди психов? Колумбиец – чертов наркоман с умственной отсталостью. Девчонка рисует такие картинки, что к психоаналитику не ходи, не сегодня-завтра кого-нибудь пришьет. Американец... Ну, Эндрю тоже нормальным мужиком вряд ли можно назвать, если после этого художественного альбомчика его тянет на богословские темы.

Я закрыл скетчбук и вернул владелице.

Главное, чтобы Отавиу в него нос не сунул. Куда занесет после этого нашего «Десперадо», предугадать не рискну.

– Кем ты работаешь? – спросил я Келли.

– Дизайнером. В одном парижском модном доме. Разрабатываю аксессуары. Эндрю с утра один такой спалил. В смысле, сжег эскиз, – быстро поправилась она.

То, что Эндрю спалил, и так понятно. И не он один такой. Но в то, что блондинка реально работает в фэшн-индустрии, я поверил безоговорочно.

– У Келли настоящий талант, по-моему, – подал голос американец.

– Несомненно, – согласился я.

Похоже, у нее не только фантазия убойная. Но и талант.

Глава 18. Брайан

Я присел на край бревна и протянул руки к костру.

Что я знаю про Келли Дежарден? Гражданка Франции. Летит в Тунху, по ее словам – к родственнику. Английский абсолютно чистый, без акцента: либо постоянно общалась с носителями языка, либо жила в Великобритании, причем в высшем обществе или на подступах к нему. Судя по знанию псалмов – скорее жила, чем общалась. Рисует профессионально, видна хорошая школа. На первый взгляд – обычная креативная дурочка. Но в стрессовой ситуации не паникует. Умеет держать лицо, как во вчерашнем разговоре с Отавиу, что тоже говорит в пользу высшего общества. Знания о бренде британского вычурного оружия – в ту же обойму. Но при всех ее знаниях и умениях – полное нежелание следовать нормам хорошего тона.

Та часть разговора с Эндрю, которую я успел застать, не демонстрировала каких-то особых познаний в истории. Но свидетельствовала о наличии собственного мнения и привычке его высказывать, невзирая на лица. И это мнение не возникло в ее мозгу здесь и сейчас, а уже сидело внутри и ждало своего часа. Слишком уж уверенно и эмоционально отстаивала его француженка. Возможно, ничего предосудительного в ней нет. Есть же фанаты реконструкций. Увлечение индейскими культурами многое объясняет. Странные для девушки из хорошей семьи предпочтения в одежде. Выбор сюжетов для рисунков. Представление о том, как нужно обуваться в сельве. И даже знание местных съедобных растений.

Нет, зря я пытаюсь дорисовать ей рога и унюхать запах серы.

Ее можно было бы записать в серийные отравители, если бы ее билет на рейс не был взят в последний момент. А картинки... Будем считать их сублимацией. Девочке нужно выплеснуть выжигающий изнутри нерастроченный огонь либидо. Почему при ее внешности он не растрочен? Вопрос хороший. Но на данном этапе знакомства – безответный. Однако я, так уж и быть, протяну ей руку помощи. А если будет хорошо себя вести – то и не только руку.

Правда, был еще один момент, который не давал покоя – прогноз погоды. В Тунхе, куда мы летели, дождя не ожидалось. Я проверял. Пусть на пересадке мы должны были провести всего пару часов, я убедился, что от дождя мокнуть не придется. При неровностях рельефа от Медельина до Тунхи угадать с погодой, не узнав заранее точный прогноз для нужной точки, практически невозможно. И даже если узнавал заранее – это тропики, амиго. Небеса всегда готовы подложить тебе пару сюрпризов. А она была уверена, будто у нее было последнее обновление. Более того, оказалась права.

Бруха.

Ведьма.

Самое простое и неправдоподобное объяснение. Или емкая характеристика.

– Брайан, у тебя уже есть идеи, чем бы будем завтракать? – произнесла она, отвлекая от мыслей.

Раскатистый рык огласил сельву. Ему вторили еще и еще. Ревуны начали утреннюю распевку. И вместе с ней пришла идея. Прямо ИДЕЯ, так она мне понравилась.

– Вообще-то ревуны обычно так помечают фруктовые деревья, – попытался я перекрыть горловое пение. – У нас есть еще пара минут, чтобы составить им конкуренцию.

И дернул девчонку за собой, устремляясь на рев. Не наберем фруктов – настреляем обезьянины. Ружье я носил с собой. На такой аргумент всегда найдутся хозяева. И Отавиу с его наномозгом в этой роли меня не устраивал.

– Поставьте, пожалуйста, кипятить дождевую воду, – поймал я краем уха просьбу Келли.

Я обернулся. Додсон смотрел на француженку так, будто с утраца принял на грудь колесико транка и теперь соображал не очень хорошо, но очень медленно.

А ревуны скоро закончат свой опознавательный рев, и ищи их потом свищи. Я взял ази-мунт и попер вглубь джунглей с блондинкой на буксире.

– Да подожди ты! – вырвалась она, когда я чуть ослабил хватку.

Обезьяний тигроподобный рык стих. Хвостатая компания собиралась с силами на следующий «куплет».

– Куда мы так спешим? Где-то горит? – она склонилась, опираясь ладонями в колени, в попытке отдышаться.

– Наш завтрак «подгорает». Еще немного, и они заткнутся.

– Мы так целый километр можем бежать. Или даже два, – Келли подняла на меня раскрасневшееся лицо.

– А ты откуда знаешь? – прижал я ее к воображаемой стенке.

– В Интернете читала, – буркнула она. – Мы заблудимся.

– Мы по компасу идем, – заверил блондинку я.

– Круто. Только мы по компасу не идем, а летим. Я вторую авиакатастрофу могу не пережить, – она, наконец, выпрямилась.

– Окей, – кивнул я. – Мы идем медленней, а ты рассказываешь о себе.

– А что про меня рассказывать? – она зашагала с независимым видом, но я поймал ее за пояс и ткнул в сторону, куда указывала стрелка.

Она отреагировала так, будто ее целыми днями только и водят на шлейке, как любимую болонку императора. То есть пошла, куда ее ткнули. Молча.

– Скажи, пожалуйста, откуда ты, француженка, так хорошо знаешь английский?

– Моя мама – из Франции, отец – британец. Время от времени я жила и училась в Англии, – призналась она.

Что ж, моя версия подтверждается.

– А кто твой отец? – продолжил я выпытывать сведения.

– Слушай, тебе не кажется, что мы еще не настолько близко друг друга знаем, чтобы знакомиться с моими родителями? – развернулась она и мрачно на меня посмотрела.

Ха! Ха-ха! Очень смешно.

– А откуда ты знаешь про яды? – поинтересовалась она, воспользовавшись тем, что я от такой наглости выпустил бразды правления разговором.

– В Интернете читал, – я злорадно вернул ей ее же гнутую, насквозь фальшивую монету.

Второй куплет утренней песни ревунов не прозвучал. Можно было разворачиваться, но есть действительно было нечего, и вокруг на пару километров – ни одного магазина.

– А-а-а... – протянула она. – А тем, кто много врет, не достанется десерта, – соблазнительно закончила она, облизнув губы.

Ну, наконец-то! Я уж думал, мы до сути так и не дойдем. Конечно, я не за этим ее потянул в чашу. Но отчего не совместить утоление одного голода с другим?

– А что у нас на десерт? – спросил я будто бы между делом, вскользь, проверяя, не вылетел ли презерватив из заднего кармана.

– То же, что и на основное блюдо, похоже: арахис, – тем же злорадным тоном закончила девчонка.

– Какой арахис? – Я с недоумением оглядывал деревья на уровне своего роста.

– Дикий, – пояснила Келли и выставила «когти»: – И свире-е-епый!

– Тьфу на тебя! – возмутился я, посмеиваясь.

– Вот, – Келли вырвала из земли травянистое растение, отряхивая корни с башмачками бобов. – Он, правда, не совсем такой, к какому ты привык. Но даже полезнее⁴⁴.

⁴⁴ Наверняка большинство знает, что арахис по типу плода совсем не орех, а боб. Этим современного читателя не удивишь. А знаете ли вы, что до 90 % всего производимого в мире арахиса является генно-модифицированным? В структуру ДНК

Угу. Это она тоже в британском колледже на уроке биологии проходила.

Глава 19. Келли

Нет, в принципе, Брайан не так плох. Конечно, от него несет... аристократичностью, и иногда даже заносит. Но в целом он ведет себя вполне адекватно. Не пытается обсудить бархатное контральто Сары Мингардо с Отавиу. Или Трампа с Додсоном. Меня рисовать не учит. Стараются конструктивно решать проблемы. И вообще милый. Иногда. И даже забавный. Когда пытается меня «пометить». И красавчик он оймама, это у него не отнять. Особенно, когда так улыбается.

Но иногда как глянет-глянет... Торквемада обзавидуется. Так и хочется с низкого старта до самой Тунхи рвануть. И ведь я ему ничего плохого не делала. Пока. Может, у него с женщинами не складывается? Мало ли. Травма детская. На сексуальной почве. Нынешние школы для мальчиков уже не те, что прежде. Beating, bullying, buggery⁴⁵ остались в прошлом. Говорят. Но мало ли, что может случиться с мальчиком в закрытой школе для мальчиков? На то она и закрытая, чтобы никто не узнал...

Мне было проще. Физические наказания к тому времени уже запретили. Учителя и старшеклассницы быстро осознали, что темноты и замкнутых пространств я не боюсь. Полазили бы с моё по усыпальницам... Бойкоты на меня тоже не действовали. Говорить мне с ними и без бойкотов было не о чем. Так что на мою долю оставались только шепотки про глупые очки и полное отсутствие вкуса. Обидно. Но я пережила это без сексуальных девиаций. Надеюсь.

А то, что самцов люблю «строить», так они сами того хотят. Для остроты ощущений. Если вам кажется, что хрупкая блондинка и команда «К ноге!» не слишком друг с другом сочетаются, то вы просто ничего не понимаете в тонком искусстве выноса мозга. Здесь суть в чем? Чтобы дезориентировать жертву. Вроде стерва я, но я сущий ангел, а виноват он, хоть ничего плохого и не делал. Это ж какой взрыв в черепной коробке! А пока мозг в отрубе, какой секс, мамадорогая!

Нет, мне не нравится унижать, истязать, привязать к себе жертву и другие долгоиграющие абьюзерские штучки. Вокруг слишком много красивых мальчиков. Новомодные договорные «оттенки серого» тем более даром не нужны. Я с террористами не договариваюсь.

Мне всего-то надо: влезть под кожу и погреться там немного. Напитаться эмоций. И свалить в закат. Работать.

И школа тут совсем не при чем.

Какое отношение подонок Берти имел к моей школе?

Никакого, практически.

Я ожесточенно дернула еще один кустик, будто это был скальп Альберта. Нам повезло набрести на небольшую ореховую полянку. К счастью, дикий арахис почти всегда так растет. Под стать аборигенам, у которых мужчины не утруждали себя сельскохозяйственными заботами, Брайан оставил «земные тяготы» (то есть необходимость вытягивать земляной орех из земли) мне. Впрочем, чего еще ожидать от представителя высшего общества. Мог бы вообще послать нас, смердов, в леса, добывать пропитание, пока сам решал бы глобальные проблемы

⁴⁵ Beating, bullying, buggery – «Порка, буллинг, содомия». С семи лет детишек высшего общества отдают в однополые интернаты подготовительных школ, с 13 лет – в школы и колледжи, вроде Итона и Хэрроу. Лишь в конце 70-х годов в элитных школах стали постепенно отходить от этих принципов ЗВ. Буллинг в виде «наставничества» (=дедовщины) процветал во всех учреждениях. Таким образом детям прививалось подчинение старшим, железная дисциплина, умение сдерживать свои эмоции. За рев, слезы или просто задрожавшую губу можно было огрести от старших не по-детски. Физические наказания в частных школах Великобритании запретили только с 1998 года. К гомосексуальным контактам в однополых школах отношение различалось в зависимости от времени, моды и руководства от терпимых до поощряемых. Сексуальное принуждение в абсолютном большинстве случаев порицалось, особенно со стороны старших по отношению к младшим. Но тут как поступишь, по принуждению или нет, если везде круговая порука? Бромансов и более тесных добровольных отношений между мальчиками-ровесниками хватало. По некоторым инсайдерским источникам, и по сей день хватает.

человечества. Нет, Уэйд у нас человек прогрессивных взглядов. Сам ходит в сельву за мамонтом.

Оглушающий выстрел раздался, казалось, у самого уха. О, какого-то уже завалил. Если и не пристрелил бедолагу, то барабанные перепонки порвал ему в клочья.

Судя по короткому проклятию, всё же второе.

Следующий выстрел раздался немного дальше. И почти сразу за ним – третий. Проклятий слышно не было, похоже, успешно. Хотелось надеяться, что жертва – не обезьяна. Одно из местных племен, с которым нам довелось столкнуться в экспедициях, кормило обезьяньих детенышей молоком прямо грудью. И называло таких прирученных животных «молочными братьями». Их никогда не убивали. Мне почему-то совсем не улыбалось жарить такого «родственника».

Но нет, гордый Брайан снова притащил попугаев.

– Ты не хочешь настрелять побольше, чтобы хватило на дневной переход? – воспользовавшись тем, что мы без свидетелей, копнула я под его авторитет.

– Почему ты не хочешь подождать? – настороженно спросил он.

– Если до обеда мы не услышим шума поисковиков, значит, нас здесь не ищут, – привела я свои аргументы. – И чем больше времени мы будем сидеть, тем меньше нас будут искать.

– А если они прилетят, а нас уже нет?

– А мы им записку оставим, – предложила я. – Начинается сезон дождей. Что мы будем делать, когда закончится газ в зажигалке Отавиу?

– Нас найдут раньше! – твердил он, как мальчик, для которого папа – супергерой, а супергерои не портят воздух. Значит, пукнул кто-то другой.

– А если не найдут? А если найдут, но не те? – «испугалась» я. – Где мы вообще?

– В глубокой... – он поморщился и бросил взгляд куда-то мне за плечо, – межгорной котловине.

Уэйд внезапно вскинул ружье и выстрелил. Вот теперь реально над ухом, и я запоздало потеряла его рукой. Впереди раздался «шмяк», значит, слух я не потеряла. Британец ушел вперед и с видом «посмотри, какой я скромный великий герой» вернулся еще с одной тушкой.

– Мы где-то в предгорьях Восточной Кордильеры, – продолжил он, кидая попугая на землю, в компанию к двум другим. – Где именно – совершенно непонятно. На востоке – вершины горных хребтов. На западе – глубокая Магдалена. И тоже горы. На север и юг – сельва до самого горизонта. До более-менее открытых и хоть чуть-чуть обжитых районов километров тридцать-сорок.

– Ну, это не очень много, – прикинула я.

– В гору, Келли. В гору. Без дороги. Как ты сама сказала, сезон дождей открыт. И у нас волшебного самолетика, чтобы в карман сложить и надуть потом, чтобы спать под крышей, не будет. Спальный мешок есть только у меня. Тебя, конечно, милости просим, – он подмигнул, – хотя в одежде вдвоем мы там вряд ли поместимся, – он выразительно посмотрел на меня, и на этом месте я, видимо, должна была растечься у его ног. – Но кроме нас есть еще Эндрю и Ферран. И спать на голой земле я бы им не советовал.

– У меня есть гамак, – тихо призналась я.

Брайан взглянул на меня, будто в прицел на попугая.

– Я его тетушке везла. В подарок... – залепетала я в оправдание.

Формально Рамона была мне мачехой. Но это слово в моем сознании было неразрывно связано со злобной теткой из «Золушки». Колумбийка же была миниатюрная, радушная и очень мягкая. Со всех сторон. Мой суровый, жилистый, прямой и острый, как треугольная пирамида, отец рядом с нею оттаивал. К тому же она появилась у папы, когда я была уже в осознанном возрасте, и детской ревности не вызывала. Специально для Рамоны я сшила клас-

сический колумбийский гамак, украсив его вышивкой и всякими побрякушками. Разумеется, я надеялась подарить его при более радостных обстоятельствах.

– Куда ты собираешься привязывать его на заснеженной вершине? – поинтересовался Брайан язвительно.

К твоему члену, очень хотелось мне сказать, но я промолчала. Видимо, мысль о том, как я без одежды лезу к нему в спальник, грела британца сильнее, чем подсказывала логика.

– И с едой там будет не так хорошо, – напомнил Уэйд. – И теплая одежда есть только у тебя. В общем, ждать безопаснее, чем идти.

– Но ведь всего тридцать-сорок километров...

– Келли, прости, если я оттапываю тебе феминистическую мозоль, но через пять ты начнешь проситься на ручки.

– Значит, пойдем медленнее. У меня есть нитки и иголки, можно сшить тент из кожи кресел. Пленку с цветочного ящика можно подстелить под спальник. Он у тебя распахивается до одеяла? Если нас действительно ищут, то на открытом месте, – как ты говоришь, на «заснеженной вершине», – заметят быстрее.

– А что мне за это будет? – Брайан изобразил на лице самое плотоядное выражение и уставился мне на грудь, чтобы не осталось никаких сомнений в том, о какой расплате идет речь.

– Цивилизация тебе будет! Ресторан нормальный, душ, кровать! – завелась я. Будто я единственная, кого что-то не устраивает в жизни среди сельвы. – И целый эшелон девчонок, готовых прыгнуть тебе в постель по первому щелчку.

– Ресторан, – произнес он на старинный манер, проговаривая «е» и «о», и подошел ко мне вплотную. – Душ, кровать... – мечтательно продолжал он, проводя большим пальцем у меня под губой, и предательская жаркая влага между ног напомнила, что я женщина. Наедине с невозможно красивым, сильным парнем. Среди джунглей.

– Я не хочу других девчонок, – он говорил, приклеившись взглядом к моему рту, и губы непроизвольно дрогнули. – Хорошо. Мы пойдем. Но когда нас всё же спасут, я хочу «ресторан, душ, кровать». С тобой.

Он сжал пальцами мой подбородок и поднял лицо так, чтобы я смотрела ему в глаза.

Да ладно! Мы это проходили.

Типа, сценарий «мачо приручает необъезженную самку».

Но, черт подери, это работало!

Глава 20. Брайан

– Ты офигел? – потрясенно выдала Келли, с усилием отдирая мои пальцы от своего подбородка. – Тебе корона не жмет?

Корона – нет. Корона мне впору. Брюки жали. Вообще-то планировалось это как показательные выступления, но завелся я так, что был готов хоть сейчас. И вообще-то, после таких слов любая нормальная девчонка должна была наброситься на меня и изнасиловать.

Что лишний раз доказывало: эта – ненормальная.

Но так даже интереснее. Вдвойне интереснее, потому что она-то тоже завелась. Я это видел. Но отреагировала лишь вопросом о том, насколько размер моей короны соответствует размерам головы. Интерес к размерам, думаю, можно считать хорошим знаком.

– Я – не офигел. Я – пошутил, – улыбнулся я. – Но ужин – за тобой.

– Конечно за мной, – легко согласилась Келли. – Я же такой замечательный повар. Вчерашняя румяная птица это доказала.

Я не стал с нею спорить. Тайм закончился вничью. Игра только начинается.

С другой стороны, конечно, в словах блондинки было зерно истины. Мы ведь действительно могли отклониться от основного маршрута довольно далеко. А учитывая, что из-за нерабочей радиосвязи никто даже не знает, когда мы упали, не говоря о «где», искать наш самолет всё равно, что песчинку на пляже. Поэтому, да, нужно двигаться туда, где ловит связь. Или хотя бы могут заметить наш костер.

Я помог девчонке надрать побольше арахиса, поскольку не факт, что нам удастся вернуться на эту полянку, и снял рубашку. Постепенно ее раскраска приобретала черты авангардизма. К жизнеутверждающим оранжевым пятнам манго на ней добавились свежие: зеленые от ботвы и черные от земли.

Когда мы вернулись, костер встретил нас уютно булькающим котелком и одиноким Эндрю. Отавиу продолжал дрыхнуть, и это не порядок. Почему я уже встал, настрелял дичи и накопал орехов, а он еще спит? Короче, через полчаса на благо лагеря вкалывали уже все. Келли командовала кройкой и шитьем, к которому присоединился Додсон. Оказалось, он тоже способен пользоваться иглой. Мы с Ферраном занимались костром, лущили полосатый, как спинка бурундука, дикий арахис и жарили дичь.

Потом снова готовились к переходу. У меня был небольшой рюкзак, куда можно было сложить самое необходимое. Рюкзак обнаружился и у Келли. Тут я уже ничему не удивился. Но у нас были еще Ферран и Додсон, у которых были только чемоданы на колесиках, а это не лучший спутник в джунглях. Келли вновь кроила, кромсала ножом и учила шить Феррана. Даже я совершил подвиг, пришивая веревки для натягивания тента. Надо сказать, что девочка не зря зарабатывала деньги в своем модном доме. Сумки, пошитые из частей чемоданов и парусины, ободранной в багажном отделении, были вполне юзабельны. Из парусины и поролон сидений французенка даже умудрилась смастерить нечто вроде походных матрасиков. Она сделала очень многое; больше, чем я бы просто придумал.

Моя дневная охота не увенчалась успехом. До попугаев, похоже, дошло, что двуногое не для красоты носит гремещую палку. Пришлось ужинать арахисовой кашей с остатками утренней птицы. После ужина занялись упаковкой вещей. Я раскритиковал всех, особенно досталось безрукому американцу. Пару советов дал Келли – чисто, чтобы подразнить. Но она с серьезным видом приняла замечания под козырек, лишив меня удовольствия погавтаться.

Разумеется, Додсон не мог не внести разнообразия в наш досуг. Он уединился в лесу по естественным надобностям и вернулся оттуда со слегка... изменившейся походкой. Пройтись по этому поводу мне помешало выражение лица Эндрю. А Ферран в это время позировал блондинке. Был повод позавидовать, но Келли предложила нарисовать его характерный про-

филь лишь после того, как он чуть было не подрался с американцем. Я понимал, что предложение было единственным способом его успокоить и заткнуть. Но мне всё равно казалось, что я достойнее. И фотогеничнее.

– Брайан, я могу обратиться к тебе как биологу? – возле самого уха спросил Эндрю.

Смущаясь и краснея, Додсон шепотом поведал мне печальную историю о том, как понадобился ему вспомогательный материал для оправления нужд. Взял он лист покрупнее... А тот как давай жечься. Везде.

И показал лист.

Только он при всем многообразии выбора мог вытереть задницу тропической крапивой!

Я всё-таки хрюкнул. Келли обернулась и сразу вскинулась:

– Не троньте это растение, оно очень опасно! – подскочила она. – Вы обожглись? Покажите.

Уже стемнело, но даже в свете костра было видно, как сначала побледнел, а потом покраснел американец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.